

ЭРНЕСТ ЗАРИНЬШ

КОГИТО НОН ЭРГО

Эрнест Зариньш
Когито Нон Эрго

«Издательские решения»

Зариньш Э. А.

Когито Нон Эрго / Э. А. Зариньш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962241-9

Что делать, если постоянно снятся странные сны? Если видения преследуют, не отпуская? Может ли быть какая-то связь между этими странными снами, и что будет, если начать идти по следу этих необычных видений, которые судьба упорно подсовывает нам на нашем пути? Герой рассказа — простой программист — решил пойти по пути расследования этих, казалось бы, не связанных между собой событий и в итоге оказался втянутым в историю, которая затрагивает судьбы множества людей, а может быть, и всего человечества.

ISBN 978-5-44-962241-9

© Зариньш Э. А.
© Издательские решения

Содержание

Сон первый	6
Сон второй	7
Сон третий	9
Домик в промзоне	11
Особняк	13
Начало долгого пути	21
Внезапные гости	27
Первая поездка за город	33
Стас	40
Под серым небом провинции...	46
Незнакомец в метро	49
Фотограф	54
Вторая поездка за город	57
Участковый в вышиванке	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Когито Нон Эрго

Эрнест Айворович Зариньш

© Эрнест Айворович Зариньш, 2019

ISBN 978-5-4496-2241-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Cogito non ergo. Часть первая

*Для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих
каждый отворачивается в свой собственный
Гераклит*

Сон первый

Вам было когда-нибудь холодно от страха? Когда косточки, кажется, щиплет мороз, а виски словно зажимает тисками, в глазах темно и хочется пошевелиться, а ноги не двигаются. А из угла на тебя смотрит невидящим глазом чёрное аморфное нечто. Потом оно врывается в твоё мироздание, проникает в тебя, и каждая клеточка твоего тела хочет вырваться из этого мрака, в то время как твой мозг погружается в спокойное созерцание, не желая, абсолютно не желая ничего менять, и становится хорошо и тепло на душе, хотя вдалеке лишь пустота и тьма, сгущённая, как молоко, тягучая, нервная, и кажется, ты даже начинаешь чувствовать какие-то вибрации этого небытия, даже не так, Небытия с большой буквы. И, безусловно, только тогда ты понимаешь всю боль и несчастье этого мира, понимаешь, что движет каждой клеточкой этого броуновского мира. Понимаешь, как все суетно, узнаешь, что только боль и несправедливость, главные указатели на этом пути. И текут года в темноте, вне этой слезливой масляной мировой картинки, и ты лежишь рядом с красной кирпичной стеной. А впереди ещё тысячи стен и тысячи кирпичей, заботливый мир, крик ребёнка, цепь событий, которых ты потом даже не вспомнишь, снова проваливаясь в бездонную пустоту. Может быть, ты своей пустотой освободишь кому-то путь, а может быть просто будешь мерцать, как свет на белой простыне, где через пару минут другим покажут тупое и неинтересное чёрно-белое кино. Они, конечно, вынесут из него свои уроки, но цели их будут так же расплывчаты, ибо их задача-стать светом, тем, которым ты уже стал. И ты отнюдь не рад этому. Тебе не дали стать ярче, выйти за пределы простыни, специально расстеленной для тебя, вот если бы рядом была бы плоскость и щёлка, ты бы проник в неё, и стал бы, может быть, звездой на тёмном небе, или ярчайшим созвездием, но это если много боли, и много просветов. И вот пришёл этот сон. С тех пор он повторялся множество раз, каждый раз, при этом принося незабываемые ощущения. И каждый раз хочется пройти дальше, ощутить всё очарование летнего дня, шелест гальки под ногами, почувствовать запах цветочных клумб, пощупать их шершавый бетон, стать доверчивым и молодым.

Но каждый раз ...каждый раз ты сам обрываешь этот сон. Никто не объяснит почему, что тобою движет, но именно этот перерыв является тем, что заставляет тебя возвращаться к этому серому многоподъездному дому раз за разом. Ты даже не можешь объяснить, почему именно был выбран для твоего сна, каковы причины того, что летнее солнце греет твои босые ноги, почему ты знаешь, что надо идти куда только ноги поведут, а сам не желаешь идти, потому что получаешь такое детское, щенячье удовольствие просто от созерцания. Хочется сесть посреди асфальта и наслаждаться каждый глотком воздуха, ловить глотками тёплый ветер, вбирать его в себя нервно, жадно. Это твой первый сон, первый из череды непонятных снов, прошивающих красной лентой твою реальность. Прошло уже больше двадцати лет, а ты начинаешь подозревать, что сны приходят не просто так, они уже часть твоего существа, порой они кажутся реальнее самой реальности.

Но это лишь сон. Но почему лишь сон?

Сон второй

Вначале все темно, словно в подвале, но вдруг на мгновение тень разрезает яркий свет. Свет качается, кроит этот мир, и ты чувствуешь, что амплитуда увеличивается. Это небольшая керосиновая лампа. Запах дерева и промасленной стружки, мир вокруг начинает подрагивать, время начинает сжиматься. Рука ошупывает край стены. Гладкие струганные доски. Боишься чего-то, трудно дышать. Ошупываешь воротник своей гимнастёрки, грубую грязную материю. Пуговица поддаётся, и ты получаешь глоток воздуха такой необходимый тебе сейчас. Снаружи, в такт биению сердца ты слышишь мерное постукивание. Лампа, окружённая роем мошкары раскачивается, вырывая из тьмы то, деревянный пол, то маленькое окошко. Вагон, стучащие колёса, догадываюсь. Хочется встать, взять с пола вещмешок, но понимаю, ещё слишком рано.

Приехали. Сцепки глухо ухают. Я поднимаюсь на ноги, и щурюсь от света, проникающего в маленькое запылённое окошко. Надо тихо выбираться.

Зацепляюсь пальцами за тяжёлую дверь, напряжение сил, дверь не хочет подаваться вперёд. Раскачиваю её движениями взад-вперёд. И, наконец, достигаю результата. Вываливаюсь из вагона, как тяжёлый мешок. Встревоженно. Звук гальки, и я на полусогнутых уже крадусь в сторону серого дома с белыми, облупившимися ставнями. Крадусь по зелёнке.

Серой формы пока не видно. Жара стоит страшная, земля, местами чёрная от гудрона, потрескалась. Пытаюсь не привлекать внимание, шагаю осторожно. Пора делать дело. Достая из вещмешка свёрток в промасленной бумаге, а заодно флягу, откручиваю крышку и делаю жадный глоток. Нет, это не вода, а самая настоящая самогонка, крепкая и дурманящая, такую только в бабушкиной деревне делали. Сердце колотится, огненная волна проходит по телу, и я успокаиваюсь. Всего лишь на миг, на долю секунды, чтобы сосредоточиться и продолжить начатое ранее.

На жухлой траве размещаю плащевую ткань, и начинаю возиться с детонатором. Руки не слушаются, онемели после долгой поездки, но я умудряюсь закрепить контакты. Приходится постоянно оглядываться, и вот замечаю сзади силуэта, выдающаяся вверх от контура пика винтовки не оставляет места для сомнений. Это серые. Начинаю судорожно соображать, что делать? С одной стороны, не могу не выполнить задание. Откуда-то из груди, откликаюсь учащённым биением сердца, и пониманием своей беспомощности в этих обстоятельствах, лезет мысль. «Погибнет ещё не один десяток людей, если я не сделаю этого». Сверху доносятся какой-то гул, не могу определить, что это? Элеватор? Ну, навряд ли начался процесс разгрузки. Но вскоре причины шума появились сверху, на белом облачном небе. Тёмные очертания, скользкие по небу необычайно медленно, совсем не так, как представляешь это в детских мыслях. Гордо и грациозно пикирующие бомбардировщики вылетали из-за вагонов, раз, за разом подставляя свои алюминиевые бока, пока они только прицеливались. Справа, с постов донеслась немецкая ругань и глуховатые залпы зенитки, напоминающие уханье большой выпи, разносящееся по всей округе. Я тихо выдохнул. Серый дёрнулся, сначала вправо, потом влево, побежал, и хорошо, что от меня, а не на меня. Серая тень скрылась за вагоном, но тут же началось...

Взрывы, пока ещё где-то вдалеке, разрывали пронзающую тишину, раз за разом. Я не мог сейчас убежать, скрыться, важность данного мне задания не позволяла такой слабости. Хорошо, что в сложившемся хаосе я смог собраться и достать из «петровича» лопату с короткой ручкой. Перебежав к соседнему вагону, я поднырнул под поезд, и, пробравшись ползком под чёрным дном состава, выбрался к станции. Люди в сером, грузчики, они метались повсюду, напоминая загнанных животных на охоте. Я стал копать неподатливую каменистую насыпь.

Я успел... Заложив взрывчатку, я уже стал отползать, но чёрный остов железной птицы выпустил из своих лап очередной смертоносный заряд, и рядом прогремел взрыв. Чёрная гарь

застилала вокзальные окрестности, кровь потекла из ушей. Движения, гулом отдававшиеся в голове, с каждым шагом стали даваться все тяжелее и тяжелее.

Тем не менее, мне удалось перебраться через пути, и выбраться на изрытую взрывами десятков авиабомб площадь за составами. Но и тогда я понимал, что нельзя останавливаться. Я побежал, и мои шаги, утопающие среди шума моторов, были уже не различимы для врага. А потом прозвучал большой взрыв, но лишь тогда, когда я, уже запыхавшийся от перебежек, смог достигнуть единственного ориентира, замеченного на пути, это был тот самый домик-сторожка. С побелёнными, немного осыпавшимися ставнями...

Сон третий

Прорываюсь сквозь удушливый газ. Щиплет лицо, а особенно глаза. Станный запах герани. Спереди небольшой коридорчик. Справа и слева двери, обыкновенные, такие вот бывают в старых хрущёвках. Сзади, за спиной слышны странные щелчки, как будто гидравлическими ножницами перекусывают какие-то провода.

Я забегаю внутрь, достаю петарды, поджигаю запал. Дым проникает сквозь дверные щели, я уже почти ничего не вижу. Пока есть возможность хоть что-то разглядеть, беру пару металлических стульев, стоящих рядом, и переворачиваю их на пути захватчиков. Когда дверь выламывается под ударами тяжёлых сапог, бросаю под ноги петарды, и кричу диким голосом «Лежать, бомба!»

Незнакомцы чертыхаются, третий член команды разворачивается, двое, шедших впереди падают.

Раздаётся дикий крик. Краем глаза замечаю, что один из упавших завалился на бок и кричит от боли. Ножка стула проникла в его плоть на уровне шеи, и темно бурая лужица крови растекается по полу. Я не прекращаю движение, беру первую попавшуюся

вещь, это какая-то детская плюшевая игрушка, и прячу туда некий предмет, словно по воле некоего волшебника, оказавшийся в моих руках. Я понимаю, что двигаться больше некуда, выбегаю на балкон, и тут предательским образом мою собственную шею протыкает некий предмет, с острым, как у осы жалом. Ноги подкашиваются, я перевешиваюсь через балконную ограду, падаю на неё всем корпусом, погружаюсь в объятия серого мира и сознание затуманивается. Выхожу из сна.

Какими бы долгими были размышления мои по поводу преследовавших меня неприятностей, был только один выход, который я для себя видел. А именно скрыться от бытийного обывательского мира за ширмой снов, переживаний. Я начал чувствовать то, что чувствуют герои моих снов, верить каждому шёпоту моего бессознательного, уметь перемещаться из одного мира в другой, следить за чередой своих снов, причём чувствовать себя не просто как рыба в воде в том мире, в мире сновидений, но и очерчивать свою географию этого мира, каждый риф на моем пути, каждый остов давно затонувших кораблей памяти, и теперь, как мне кажется, мне уже реже надо всплывать на поверхность за новой порцией бытийности. Толковой работы не намечалось, и я нашёл такую, которая позволяла мне заниматься моим любимым делом, а именно думать, читать, заниматься собой. Порой, отъезжая от очередной станции метро, я начинаю судорожно отмерять время от отправления до моей станции, чтобы успеть вовремя вынырнуть из потока своих мыслей, ярчайших образов, тихого шёпота вечности, которую я научился конструировать.

Каждый день, ныряя в бешеный человеческий омут, ледяной и холодный, я боялся, что не смогу вынырнуть уже, что время затянет меня и уничтожит.

И именно моя способность тогда помогла мне. Я, вначале неумело, а потом и уверенно, начал учиться выцарапывать на заскорузлой, застывшей от холода времени, бересте реальности свои метки. Вначале, бережно взяв своё воспоминание, я отогревал его своим дыханием, вдыхал запах прошлого, как иная ищейка впитывает в себя еле заметные вкусовые метки подзреваемого, чтобы по следам вынюхать, найти одного из миллионов, и больше не выпустить, схватив его своей мощной пастью, впившись до костей. И я, таким образом, находил свои «отметки» во времени и пространстве, их реальность всплывала в моем воображении и влияла, в свою очередь, на реальную, хоть и постылую, окружающую реальность. Была лишь одна про-

блема, система, которую я придумал, чтобы отмаркировать своё существование на планете Земля, начала давать сбой. То есть не то, чтобы я начал, как говорится «терять нюх» (кстати, меткое определение, как по мне) Скорее уж наоборот. Нюх начал терять меня. Например, один раз я хотел уже «перепрочувствовать» очередной этап моей жизни, и не смог погрузиться в ту, прошедшую реальность, я начал перелистывать страницы воспоминаний, как будто книгу, которую закрыл, не успев заложить. Пролистывать, естественно, лишь в строго определённом месте, но без особого успеха. Со временем начал замечать, что те воспоминания, которые стираются, находятся ближе к середине существования.

Домик в промзоне

В свою очередь со временем начало приходить осознание того, что все мои метки имеют свои подразделы, свои коннотации, первые – безусловно радостные метки, вторые важные метки, не несущие позитивного или негативного настроения, и третья – воспоминания, которые хотелось возвращать, несмотря на их тяжесть в восприятии. Последние были связаны с теми событиями, которые буквально впились в мою реальность, вызвали в этой реальности переворот, дали очередной толчок в развитии, в плохую, либо хорошую сторону, не важно.

Я с трудом разлеплял глаза, бил по боку свой электронный зеленоглазый будильник, сгонял с коврика рыжего кота, который недовольно мурлыкал на своём кошачьем мате, и буквально тащил свои ноги в ванную. Недосып на лицо, постоянная небритость и несвежесть.

Выходя на улицу, я старался спрятать свою несвежую физию в капюшон толстовки, плюс поднять как можно выше куртку с серой меховой опушкой.

Погода только способствовала приступам хандры, жёлтые остовы городских зданий поглощали густую гущу серой осенней слякоти вперемешку с лужами. Ржавые подоконники принимали новых и новых пернатых обитателей, которые копошились на них, в надежде спрятаться от беспристрастных капель дождя, при этом сгоняя соседей, лелеющих такие же надежды. Но проходило пару минут, и чёрная тень победившего в борьбе ворона уже расправляла крылья и величаво продолжала путь. В основном вороны слетали в подмерзшие городские лужи. Каким бы ты не был горделивым круком, тебе также как и всем хочется есть. Городские чайки и вороны, как солдаты вышагивали по талой воде, периодически останавливаясь, подгибая лапу, распушали и вытягивали свои чёрные шеи, как будто чёртики из табакерки. Чёрные глаза, которыми они смотрели на проходящих людей, были такими грустными, пронзительно-понимающими, словно они уже знали будущее этого города, ощущали его незримую гармонию, тонкие паутинки невидимых связей, понимали правила, по которым он живёт.

Никогда не думал, что жизнь заставит меня играть по её правилам. Но, увы, за последние три года, отчасти из-за этих проклятых сновидений, отчасти из-за недосыпа и стресса, я стал ощущать постоянную усталость. С утра, поднимая голову с подушки, я каждый раз чувствовал тяжесть в правом виске, что всегда свидетельствовало о наступлении очередной атаки мигрени. Зачастую я сдавался, потеплее укутывал ноги в одеяло, сжимал в объятиях подушку, и отрубался ещё часика на полтора. Теоретически на работу я ещё успевал, практически же никакой. Любой транспорт, кроме фантастического глайдера, уже не спасал меня от опоздания. Следовала череда разборок, после которых совершенно естественно, начальству надоедали мои экзерсисы, и опять мне приходилось брать с собой рюкзачок, в котором, как обычно находилась модная термокружка с кофе и набор из трёх бутербродов. Маршрут пролегал в промзону, мимо серых бетонных заборов, мимо свалки и двух башенных кранов, вытянувшихся над недостройкой 90-х годов. В небольшом двухэтажном здании с коричневыми пластиковыми окнами находилась биржа труда. Солнце морозного утра бросало свои медные отпечатки на деревянные высокие окна старых многоэтажек неподалёку, которые выглядели такими серыми урбанистическими монстрами, которые надвигались потихоньку на этот чистый, почти девственный индустриальный пустырь. «Под асфальтом пляж...» – пришло мне внезапно в голову. Старый и заезженный лозунг французских анархистов.

Вдали я услышал глухие звуки, как будто кто-то пытался завести свою машину, предвзительно отстоявшую в соседском грязно-зелёном гараже, и успевшую изрядно проржаветь и «оуклится» до состояния «не разваливается на ходу и хорошо».

Я уже было решил, что нет причин волноваться, почесал затылок, и двинулся навстречу неизвестному. Но тут опять меня остановило непонятное чувство, как будто бы неуверенность сковала мои ноги. И тогда я осознал, где таится источник опасности Флуоресцирующие точки

за брошенным строительным вагончиком. Они смотрели пристально, словно изучая. Они ждали меня.

Я понял, что в данной ситуации у меня не такой уж широкий разброс вариантов. Первый вариант, который пришёл мне в голову, это забраться куда-нибудь повыше, чтобы мои ноги, моё тело, было попросту недосыгаемо для этой твари, кем бы она ни была. Однако, в данном случае, возможно, мне пришлось бы просидеть не один час, без воды и пищи. Второй вариант был труднее, однако был намного безопаснее, правда, без какой-либо серьёзной возможности позвать на помощь. Кроме того, пришлось бы надеяться на то, что в вагончике есть хоть что-нибудь, чем можно отогнать злобного зверя.

И тут показалась эта тварь. Медленно, даже вяло, как будто под наркотиками, туша, окрашенная в грязно-серую, перемежающуюся тёмными пятнами, расцветку сродни воинскому камуфляжу, проследовала от угла в сторону будки. Но я успел стартовать в сторону этого пристанища советского строителя, ноги словно сами несли меня, я добежал, запыхавшись, до металлических ступеней. Комок в горле не давал даже вздохнуть. Я схватился за поручень, сглотнул, но нога соскользнула, и я чуть было не упал. Из последних сил я буквально донёс своё тело до двери.

И тут же, только я захлопнул дверь, и смог проглотить душащий комок в горле, сзади послышался тот же всхлипывающий, глухой звук звериного дыхания. Было слышно, как когти собаки процарапали по двери, потом звуки возни завершились небольшим повизгиванием.

Я огляделся. Старая собачья миска, проржавевшая изнутри стояла в углу. Со стены, изда- лека смотрела прищуренными глазами старая, сморщенная старушка в платке-косынке. Навер- няка, после того, как строй бригада покинула теплушку, в ней обосновалась какая-то семья стариков. На зелёном холодильнике в прихожей стояла старая оплавившаяся свечка в губастом стакане, дно которого уже плотно покрыла пыль вперемежку с грязью, рядом находилась разло- манная рамка с фотографией двух девушек с косами, оборванная по краю. Дом, видневшийся на фотографии, что-то мне напомнил. И тогда я вспомнил... Похожее было в моем сне. И тут я снова услышал этот странный звук, и в этот раз он уже как будто-бы проникал, просачивался словно газ из-за посеревшего от пыли окошка. Странный такой, словно звук из детства. Я при- слонился спиной к шкафу, закрыл глаза, и стал вспоминать.

Особняк

Вот блестящие под лучами солнца обода моего трёхколёсного велосипеда. Шелест ярко красной листвы на соседской аллее. Небо, сероватое, подернутое кромкой облаков, на улице жарко и душно. Солнце, правда, уже заходит, постепенно проступает живительная темнота, принося лёгкий холодок. Рядом на газоне ходит соседская запаршивевшая псина, хоть и безобидная, но пронзительно гавкающая. Мне это до ужаса неприятно. Помню, как во времена моего ошеломительного и чудесного детства, я любил кататься здесь, мои маленькие детские ножки изо всех сил давят на педали, а я удаляюсь в глубину парка, ближе к озерцу. Вот уже другая картина, я повзрослевший, с непослушным вихром русых волос, выбивающихся из-под кепки с белым козырьком, повинуюсь первобытному тиканью невидимых часов, отсчитывающих время против часовой стрелки, следую туда, спицы уже повзрослевшего вместе со мной железного коня вращаются всё быстрее, пытаюсь с наскака врезаться туда, прямо в тот период, в ту пору, когда деревья были такими большими. Сердце, как в стихах, подобно пламенному мотору, стучит все громче.

За тёмной гладью воды стоит белый огромный дворец, местами заросший мхом, что не мешало ему выглядеть в моих глазах неким посольством сказочного государства в наших окрестностях. Всегда останавливаюсь перед маленьким мостиком, отделяющим современную часть парка с его досками объявлений, скамеечками, с нелепой скульптурой при входе, от его старинной части.

Вот и в этот раз остановился, почесал затылок, ещё раз взглянул на величественный фронтон, огороженный потрескавшимися зубьями высоких колонных опор, слез с велосипеда и пошёл вглубь зарослей по песчаной тропинке мимо серого сетчатого забора. Я помнил, что чуть дальше передо мной откроется большая лужайка с площадкой, покрытой серой галькой. Я пробирался мимо перешептывающихся своими зелёными листьями дубов, оперся на один из них и почувствовал, что мокрая холодная поверхность, похожая на змеиную кожу прикоснулась к руке.

Повернувшись к мощному тёмному стволу, я увидел, что на изрезанной временем коре истеричными и резкими движениями ножа были высечены две буквы «Д.Р.» В то время, когда я не мог оторвать взгляда, увлечённый красотой этих букв, сзади раздался звук, который напоминал хлопок полиэтиленового пакета, который звучал как тогда, в школе, на перемене.

Я откачнулся к выщербленной временем кирпичной кладке, неожиданность чуть было не сбила меня с ног. Резко повернувшись, я заметил большую серо-чёрную птицу. Это был ворон, который спикировал на меня так резко, что рукав моей серой курточки сам дёрнулся наотмашь. Я зажмурил глаза, и только через секунд пять, увидел что опасности больше нет, а рядом со мной стоит тот самый задира подросток и пристально смотрит на меня. Чёрные зрачки глядят на меня нервно, пронзительно, словно пытаются проникнуть в самый потаённый механизм моего сознания, да не просто проникнуть, а что-то там отыскать и вынести на свет белый.

Я же понял, что не то что рукой, а даже губами не могу пошевелить, настолько меня охватило странное чувство, которое я так, по прошествии времени так и не смог объяснить. Больше всего это было похоже на благоговейный страх перед неизведанным. Постояв так с минуту, мальчик поднял руку, пухлая мальчишечья рука согнулась в локте, словно в таинственном индийском жесте, ладонь вытянулась поперёк туловища, а двумя пальцами второй руки он указывал на первую, ещё больше напомнив мне жесты всадников в ярких одеждах и с перьями на головах.

Я протёр глаза, мальчик стоял на том же месте, а потом улыбнулся, как будто решив немного подзадорить меня, сделал взмах рукой и двинулся в сторону здания.

Я решил было, что это просто моя фантазия играет со мною дурную шутку, но, словно повинувшись чьему-то магическому приказу, двинулся вслед за мальчиком.

Между тем мы уже подошли к зданию, и мои ноги ступили на влажную гальку, которая зашуршала под ногами моих кед, а мальчик двигался, быстро, так, что я еле поспевал за его торопливыми шагами. Потом он ещё раз обернулся, посмотрел на меня каким-то виноватым взглядом, и подошёл к обшарпанному светло-коричневому углу здания. И... внезапно исчез, как будто в воду, погрузившись в бетонную стену.

Я оторопел. Мне захотелось возвратиться домой, но чувство неизведанного повлекло меня дальше. Я осмотрел угол дворца, ничего необычного я не обнаружил, кроме нескольких надписей, явно сделанных недавно местными хулиганами.

Но вот за углом, скрытая первоначально от моего взгляда зелёными зарослями, гуляла женщина. Одета в кремовое платье, с зонтиком на плече, она привлекла моё внимание своим странным нарядом. Было в нём нечто средневековое, так, наверное, одевались в начале века. Она вела под руку мальчика среднего роста с русыми волосами, в детской тельняшке. Мальчик капризничал, пытался вырваться всеми силами из маминой руки, а мама упорно пыталась увести мальчика куда-то в сторону, ближе к воде. В глазах у женщины было заметно смятение и отчаяние.

Мальчонка держал в руках нечто, что в приближении оказалось маленьким макетом яхты, с бумажными парусами. Новые воспоминания пришли в голову.

Такие у многих были в детстве, помнится мне, в одну, особенно снежную зиму, мать положила мне под ёлку три подарка, чёрный пистолет с пачкой пистонов, пазл с 5 разными красочными картинками, и подобную яхту. Чёрный моторчик, запах парусов из синтетической ткани, всё это заставило меня отложить сборку этой недешёвой (боюсь даже предположить сколько мать собирала на это чудо деньги) модельки до весны. Я же довольствовался пазлами, которые мы собирали с сестрой, потом, через пару дней разбирали и собирали вновь, настолько красочные и завораживающие сюжеты содержались в этих крохотных кусочках пресованного блестящего картона. Уже потом по прошествии нескольких месяцев, когда некоторые кусочки уже были погнуты, а некоторые края и вовсе сломаны, я наконец-то открыл серую картонную коробочку, перевязанную бечёвкой, вынул зелёную пластинку с пластиковыми деталями, и начал сборку. Через полтора часа яхта была собрана, и чёрный моторчик, поддаваясь электрическому импульсу, начал жужжать, а я заворожённо смотрел на маленькие вертящиеся лопасти под килем. Я представлял, как синтетические паруса с оранжевой окаймкой, отливающие пластмассовым блеском надуются от ветра на речке, как белый пластмассовый корпус яхты, приняв на свой борт пассажиров, и предупреждающе охнув блестящей корабельной рындой, отправится в дальнейшее путешествие до камышовых зарослей с той стороны пруда.

И вот, именно такую конструкцию нёс с собой мальчонка. Женщина, плавно, словно пава, дёрнула за дверную ручку... И легко проникла внутрь.

Странно, я всегда думал, что это здание не было открыто ещё с давних времён. Сколько я себя помнил, там всё время проходил ремонт. Причём, никогда я, прохаживаясь по парку, не наблюдал около этого дома той самой толпы в сине-белых тельняшках и засаленных клетчатых рубашках и синих комбинезонах, с вечными папиросками в зубах, и с вечными же пластмассовыми вёдрами от шпаклёвки в руках. Создавалось такое впечатление, что дом просто забыли, или во время вселенской игры в прятки, здание решило спрятаться за оккультными временными воротами, так, чтобы ни один человек, с его разрушительными тенденциями, ни

одна живая душа, имеющая власть творить смерть для окружающего, никто больше не дотронулся до его стен.

На отлогих крыльях его крыши разрастались, словно тонкие детские руки, берёзовые стволыки.

Я поразился этому обстоятельству, и поддался своему первоначальному порыву, врождённому любопытству, стремлению примерять на себя различные жизненные ситуации, это уже вросло в мой характер, и именно поэтому я тихо прокрался сквозь ветви кустарника к углу здания. Не знаю, чего я опасался, никого, кто мог бы породить эту опасность вокруг не наблюдалось, но я ступал нетвёрдо, размеренно, словно во сне.

Дверь, словно угрюмый старый и ворчливый портье, заскрипело и заухало, но поддалось, и я поразился, почему я не услышал этих звуков в первый раз, когда в дверь вошла девушка.

Белые, некогда, перила винтажных лестниц посерели, а местами и пожелтели. Штукатурка на потолке местами покрылась тёмными мокрыми пятнами, вдалеке словно из пасти беззубого зверя, проглядывал затуманенный свет.

Никого не было видно, только шаги слышались издалека, уже где-то вверху, на балюстраде второго этажа.

Я не рискнул заходить далеко в своём любопытстве, лишь пробрался за тёмный бетонный угол, где вероятно раньше находилась комнатка горничной. Под ногами хрустела галька, перемежающаяся с отщепившейся штукатуркой, я затих, и решил подождать, пока дама с мальчонкой вернётся.

Между тем между окон проскочила едва уловимая глазу тень. Я старался сосредоточиться на ней, но уловил только быстрое движение.

В конце концов вышла дама, одна, без ребёнка. Она торопливо и, казалось в полной прострации, подобрала полы своего платья, застучала каблучками по лестнице.

Выбежав на площадку перед лестницей, чуть было не споткнулась, и тут тёмная огромная рука потянулась к ней из тёмного угла за лестницей. Она отпрянула, но быстро спохватилась, прижала свою белую сумочку к груди и попятилась в сторону двери.

Я понимал, что это либо какое-то ужасное совпадение, ну в самом деле, не может же быть, чтобы именно в тот момент, когда я, волею Морфея оказался в этом заброшенном особняке, именно в этот момент начала происходить ужасная драма с таким непредсказуемым концом.

Несмотря на то, что я отлично понимал, что это не может быть ничем, кроме сна, я, пытаюсь всем телом прижиматься к стенке, вынырнуть из за угла, и перехватить отчаянно бежавшую женщину, отвести от неё беду. Но тут случилось нечто ещё более загадочное, и необычное. Словно на минуту свет тысячи солнц вспыхнул за потемневшим окном, а потом я услышал отчаянный крик ребёнка, я подумал, что это тот самый, оставленный на балконе младенец, но позже я осознал, что звук словно бы исходил с разных сторон и «обтекал» комнату, зацепляясь за старинные вазы, изразцы, пилястры, и соприкасаясь с каждым из этих предметов, он как бы резонирует.

Потом я увидел тихий синий свет, как будто пространство прорезали тонким лезвием, тихо и незаметно как на экране возник тот мальчик, он протянул ко мне руку, и вознёс её над собой, словно показывая рукой на колонны второго этажа.

Потом по всему зданию словно прошелестел летний ветерок, что-то вдалеке зашипело, все это напомнило мне звук горящих в огне диапозитивов, и внезапно послышался звук колокольчиков. Осталась всё та же картина.

Женщина, словно не замечая ничего вокруг, как бы пытаюсь вырваться из заколдованного круга, неуклюже переставляя ноги, спешила к выходу, но в последний момент резко дёрнулась. Как какой-то набитый пухом манекен, она стала опускаться все ниже и ниже, потом выронила

светлую сумочку из своих рук. Из неё посыпалась на почерневший, облупившийся от плитки пол всякая мелочь, помада, духи, перчатки выпорхнули, словно отрезанный кусок ткани.

Я моментально попытался подхватить женщину, но тень, чёрная, немая, заскользила по полу, и я будто бы провалился в неё.

Тогда я почему-то подумал о ребёнке, не знаю, почему уж. Видимо я понял, что женщине уже не помочь.

Через несколько минут тьма развеялась, и вот я уже передо мной открылась страшная картина.

Когда под мои ноги потекла красная, густоватая жидкость, меня в буквальном смысле пронзил внутренний холодок, растёкся по моему телу, и сковал мышцы.

Я отшатнулся, а потом, не зная как повести себя, рванулся вперёд. Присел перед телом, которое казалось на фоне крови таким белым, как статуя перед входом, и пощупал пульс.

Пульс присутствовал, но это были последние искорки жизни. Жизни, так неумолимо уходящей из тела, которое в позе нелепого зародыша сгрудилось у твоих ног.

Прислонившись к ещё тёплому телу, телу человека, который ещё хватался пальцами за воздух, пытаюсь ухватить ещё один, пусть и виртуальный кусочек жизни, я попытался было согреть это тело, охлаждающееся под напором смерти. Я подумал, как же часто люди вот так пытаются в последней агонии, в последнем крике схватить побольше земного, набрать в руку всех радостей жизни, всех благ, и от того слабеют, от того последние жизненные силы покидают их.

Но все же женщина эта сумела перебороть себя и притянула меня к своей груди. Её волосы, казавшиеся такими блестящими от крови, пропитавшей их, мокрые и тёплые, прикоснулись к моему лицу, и я невольно отшатнулся на несколько сантиметров. Но, всё же я сумел услышать большую часть фразы, которую произнесла женщина.

...это их ход. Эксперимент их цель. Они уже...

Руки женщины сжались ещё крепче. Она изо всех сил притянула меня к себе. Но в последний миг ослабела, и упала на пол. Я взял её лицо руками, пытаюсь всмотреться в глаза, и понять, ушла ли жизнь

– Дышите, дышите... упорно повторял я

А женщина указала слабым движением на балкон, а потом, словно отчаявшись, словно в ужасе перед неминуемым моргнула, и я почему-то понял, что это означает, я ещё плотнее прислонился к ней, и услышал.

– Артемь... Артемье... вы...

И чуть позже женщина затихла. Я же, уложив её голову на ступеньку, поспешил наверх.

И вот, взбираясь по мраморным, износившимся плитам, я раз за разом проматывал в голове одну и ту же киноплёнку. Как я вышел из дома, как прятался за кустами, как в парке увидел странную фигуру мальчика...

Мальчик. Он наверху, и наверняка ждёт меня. Он не может не бояться этой темноты, в которую его погрузили, пусть и с благой целью.

Обхватывая рукой деревянную неровную полость ограждения, я, как можно скорее достиг второго этажа, где меня ждала груда мебели, которую сложили друг на друга, как попало, образовав некое подобие баррикады.

Пройти сквозь эту баррикаду можно было только лишь повернувшись боком.

Я попытался пройти мелкими шажками передвигаясь к тёмному пространству, осознавая, что если убийца, или преследователь скрывается за этой суматохой из столов и комодов, то как только я выйду из-за них, то окажусь простой и беззащитной мишенью, поэтому единственное, что я мог предпринять, я предпринял. А именно, я взял свой лёгкий рюкзак в обе руки, и понёс его над собой. Конечно от серьёзного нападения, например, с железным прутом, он

мне не поможет никак, зато смягчит удар, например, ножкой от стула, во-вторых можно кинуть рюкзак на нападающего и охладить его пыл на несколько секунд, которых хватит для того, чтобы проскользнуть в открытую дверь.

В итоге я всё-таки пробрался, без какого-либо особенного сопротивления. Но, идти так, держа перед собою рюкзак было мучительно неудобно, поэтому я снова напялил его на плечи.

Но, когда я стал уже готовиться войти в приоткрытую дверь, таинственно темневшую второй в ряду дверей, расположенных на этаже, я почувствовал внезапную боль, успел отскокить, и понял, что что-то буквально тащит меня за собой.

Каким-то образом я инстинктивно успел увернуться, но то самое нечто, что ещё минуту назад мне грозило, потянуло меня за собой. Я догадался стянуть с себя рюкзак, и увидел острую пику, пронзающую его. Эта пика ещё минуту назад впиалась бы в моё тело, если бы не моя находчивость.

Тогда я, ухватившись за эту пику, которая на деле оказалась чем-то вроде мини алебарды, которую я успел ухватить за древко. Естественно, позже я осознал свою ошибку, ведь дерни нападавший тогда в свою сторону, и я вполне мог уже лежать, корчась, с порезанной рукой, истекая кровью, и молясь о спасении.

Тогда же я об этом не думал, и лишь благодаря моему везению, и тому, что я все делал резко и быстро, я сумел откинуть противника, угодив древком ему чуть ниже кадыка.

К своему удивлению, древко подалось вперёд довольно легко, без сопротивления, как будто бы под напором гранитный валун взламывал некую аморфную, лёгкую сущность. Но ещё более странным мне показалось то, что сущность, хотя и имело форму тонкого, я бы даже сказал тощего человека, однако, лицо её проступало лишь как некое отражение в воде озера, тускло, словно в дымке.

Но, я словно бы ощутил знакомые черты. Где-то он уже видел этот рыжий вихор волос, этот необычно приплюснутый нос, и большие, необычно большие глаза.

Вот он лежит на расстоянии 10 метров, не более, а я никак не решаюсь подойти и посмотреть, кто же он, чего он от меня хочет.

Вдруг, какая-то необычно яркая волна света пробилась через окно, и протянула свои лучи в наш коридор. Стало теплее и спокойнее, но я решил не расслабляться, и пока враг спит, прошмыгнуть всё-таки в ту самую дверь.

Когда я зашёл, то почувствовал холодок. Натуральный такой, ветер, который проникает под одежду, который пробегает по телу, оставляя ощущение дискомфорта.

Когда я подошёл к огромной куче книг, которые были сложены в углу и прикрыты листами перфолент и скомканных листков.

Рядом стоял массивный комод, накрытый зелёной кумачовой тканью, я попытался передвинуть его в сторону двери, чтобы преследователи не смогли добраться до двери, с тяжёлым скрипением старая мебель поддалась.

Сильный порыв ветра покачнул люстру, я обошёл все уголки, везде я видел лишь обшарпанные углы, старые, свисающие лохмотьями обои, везде валялись чёрные и разбухшие, словно кора старых деревьев, книги.

Комод стоял, словно зевая своим выломанным шкафчиком. Ветер постоянно нагонял песок на его верхнюю поверхность, которая видимо уже не раз становилась походным столом для разного рода доходяг.

Посередине комода я увидел заметное возвышение, которое, впрочем, было изрядно занесено песком и поросло склизкой грязью, как будто перед тем как удалиться из этого скорбного прибежища, неведомые хозяева окунули этот странный предмет в ведро машинного масла. Превозмогая брезгливость, схватив лист праздной летающей на ветру старой газеты, я подвинул эту странную штуку, на деле оказавшуюся тяжёлыми, старинной работы, часами.

За ними маленький паучок уже свил свою паутину, и мне стало даже обидно, что вот так, переставив это мерило времени, я нарушил чью-то размеренную и неторопливую жизнь.

И тут я вспомнил про тот жест, который показал неведомый мне астральный странник. Он указывал на руку, так, как будто бы хотел узнать время.

Это заинтересовало меня ещё больше, и я начал осматриваться на предмет, а нет ли вокруг какого-то вспомогательного средства, которое помогло бы мне отколоть выросший пласт грязи и песка, и сдвинуть тяжесть, примостившуюся на комод.

Вскоре мне в руки попала простая алюминиевая вилка, такие обычно находят во всяких заброшенных домах рядом со старыми лампочками, катушками ниток, старыми эмалированными чайниками.

Как ни странно, часы словно приросли, и ни в какую не хотели двигаться. Внезапно сверху раздался звон, словно кто-то ударил молотком в вышеупомянутый тазик. Это были часы. Старые, с огромным якорем на корпусе, то ли от моих передвижений по комнате, то ли от каких-то иных, только им известных причин, их маятник снова качнулся, прямо как во времена их юности, когда их окружали галантные аристократы и дамы в огромных сетчатых шляпках, украшенных страусиными перьями и бисером.

Как же неожиданно это все произошло, я отшатнулся, и на застывшем слое твёрдой земляной породы наметилась трещинка.

Через минуту я уже добился нужного мне результата, но под часами не нашлось ничего, кроме двух старых иголок, нескольких чёрных хлебных крошек, и одинокой бумажки. Замасленная и ветхая, она представляла из себя набор символов, видимо ещё старославянского письма, плюс на обратной стороне виднелась синева старого, по виду дореволюционного штампа. Несмотря на старину, я легко узнал символы, изображённые на штампе. Это были особого рода молоточки. Их и сейчас используют лишь в двух видах деятельности, горно-добывающей и железнодорожной.

Пока я добывал артефакт, со стороны двери послышались характерные звуки. Неведомый преследователь уже пытался ломиком, или чем-то подобным, расширить щёлочку между дверью и рамой, и взломать замок. У меня был небольшой запас времени, потому как я догадался подставить второй комод, и дверь, даже открытая злоумышленником, в любом случае столкнулась бы с этим препятствием, и затормозила бы путь злоумышленника к его убежищу.

Когда незнакомец разделался с замком, я уже знал, что буду делать. А делать было нечего, кроме как пойти на рискованный шаг. Никаких тайных дверей и прочей подобной сказочной лабуды в комнате, естественно, не наблюдалось. Ровно как и второй спасительной двери.

Перебраться в соседнюю комнату по парапету, как это бывает в дешёвых приключенческих фильмах, не удалось бы, соседнее окно было заколочено. Да и от окна в комнате, из которой приходилось бежать, доска отошла со скрипом, тяжко.

Когда я открыл окно, то увидел, что буквально в нескольких метрах от здания растёт шикарная раскидистая берёза. С детства не лазил по деревьям, но тут уж выбирать не пришлось. Оставалось только найти что-то, чтобы зацепить ветку, и подтянуть её к подоконнику.

На мою удачу, на полу, неподалёку, лежала немного обугленная доска с гвоздями по обеим сторонам.

Я прицелился одним краем, и попытался словно бугром захватить тёмную, искореженную ветку.

На второй раз попытка удалась, и я смог уцепиться за дерево гвоздём. Осталась самая малость - перелезть на ветку и спуститься вниз. Пришлось приложить немало внутренних сил, чтобы сделать первый шаг по такому шаткому мостику. Но опасность подгоняла.

Когда я оказался на земле, в окне я успел различить тень. Тень металась и рвалась из окна, как будто бы навредить мне являлось для неё вопросом жизни и смерти.

Я попытался затаиться и подождать, пока незнакомец выйдет из дома, чтобы проследить за ним. Но сделать это было решительно негде. Деревья в парке были небольшими, с тонкими стволами, и прятаться за ними было опасно.

Тем не менее, я решил всё-таки подождать этого субъекта, и расквитаться с ним, кем бы он ни был. Самым разумным в данном случае было спрятаться за входной дверью, и, применив метод, подсмотренный в старомодных боевиках, заставить противника покориться твоей воле. Все просто, палец и спина.

Притаившись за тяжёлой дверью, я прождал около получаса. Никаких звуков, свидетельствующих о присутствии напавшего на меня человека, не наблюдалось.

Тогда я попытался пробраться за дверь, опять возникла странная вспышка, которая буквально отбросила меня от входа в здание.

Внутри слышались детские шаги, которые стремительно удалялись...

Очнувшись от воспоминаний, я понял, что и здесь, в этой реальности, слышу шаги. Правда, здесь они не удалялись, а приближались.

Я отпрянул злополучному зелёному холодильнику и прижался к стене за его боковой стенкой. По крайней мере, если будут стрелять, прочный зелёный металл этого советского зверя защитит меня.

«Стой, – поймал я себя на мысли, – А почему я вообще решил, что кто-то будет в меня стрелять?» Мысль моя осталась без ответа, так как в эту же минуту я услышал хриплое, задыхающееся дыхание.

Пополам с запахом спирта. От души сразу же отлегло. Небритая физия, которая появилась из-за холодильника отнюдь не походила на таинственного и хитрого злодея, отнюдь, она скорее подходила тому представителю бывшего советского класса, которого все называли интеллигентская прослойка, и которые, после развала великой страны окунулись с головой в новые реалии, отплывая брассом к берегу реформ в стане охранников и грузчиков.

– Ну пошли, чего ты там прячешься? Я собак-то всех распугал уже...

Мне почему-то подумалось, что следующей фразой станет «А на бутылку не подкинешь?» Обычно самые совестливые из этой породы ещё добавляют «...я в долг, потом обязательно верну», ну и, конечно же, никогда не возвращают.

Сторожка находилась в самом дальнем углу площадки, рядом с продавленным неумелыми шофёрами грузовых забором. Не удивлюсь, если и сама избушка на курьих ножках была поставлена именно здесь с целью скрыть очередной такой недочёт в бетонной полосе, разделяющий, как обычно две зоны. Там, где металл есть, и там, где металла нет.

В каморке, перед чёрной печкой-тужуркой сидел осоловевший после выпитого гранёного стакана сторож. В каморке пахло махоркой и фасолевым похлёбком.

Я же старался разузнать у него, кто обитал в этом домике.

– Он заброшенный стоит с тех пор, когда там трагедия произошла, я то сам не шибко много знаю, мне Андреевна рассказала, она сама наверняка больше знает.

– А что за Андреевна-то? – переспросил я, понимая, что неразговорчивый сторож навряд-ли сболтнёт лишнего, даже после выпитого. Такие обычно доходят до кондиции медленно, но потом сразу, как говорится, мордой в салат.

– Наш дворник. Она уже уволилась, говорят сейчас на блошином рынке всякими артефактами торгует, там заработок получше, чем у нас. Я бы и сам ушёл отсюда, да жена пилит, зарплату с карманами вырывает, сволочь... – скривился охранник – А Андреевна, она всегда была в курсе всяких слухов и сплетен. На лавочке со своими подружками посидит, всё обо всех узнает.

Я решил не расслаживаться в этой каптёрке, во-первых, я не сторонник обильных возлияний, которые грозили перерасти в сабантуй местного масштаба, куда слетелись бы все знаменитости из столичных подворий, местные бомжи и прочие малоприятные мне личности.

– Спасибо, что спасли меня, я уже думал так и останусь здесь. А бутылку я вам конечно же принесу, прямо сейчас и сбегаю.

– Ну не стоит —откликнулся старичок, – у нас есть ещё...

Я понял, что так просто от него не избавишься, достал из кармана мятую купюру, положил на стол, и попрощался.

– Вот вам на опохмел... По утрам бывает тяжело, я знаю. А тут на хороший коньяк хватит.

Охранник улыбнулся, и сгрёб своими мозолистыми лапами купюру, сунув её в промасленный карман телогрейки.

Начало долгого пути

Проснулся я около пяти, где-то совсем рядом скреблись цепкие лапки мышей. Разлепив глаза, я стянул ноги на пол, и утопил их в свои шикарные тёплые тапочки.

Хотелось отлежаться, но нужно было успеть на маршрутку, чтобы доехать до противоположной части города, и застать продавщицу, которая могла в любой момент отлучиться, или уехать за новой партией деталей.

К счастью, когда бодрый джигит за рулём пассажирской газели под тихие матюки пассажиров уже подруливал к тёмному зданию с серыми стенами, за которым и находился авторынок, туда же прибыл белый микроавтобус мерседес, изрядно потрёпанный и тут и там побитый ржавчиной, на котором директор фирмы, в которой работала пресловутая Андреевна развозил заказы. Разворотливый, маленького роста, полный, с усами, в очках с толстыми стёклами, он как-то не вписывался в образ удачливого здоровяка в малиновом пиджаке с пачкой долларов в кармане, но ему было все равно. Свой отдых с женой и новую машину на праздники он отбивал, и ему этого по сути было достаточно. То, что его зарплата не дотягивала даже до местного авторитетного бизнесмена его не волновало. В своё время он вполне мог быть директором местного завода электрооборудования, но заниматься нудной бумагомарательской деятельностью ему претило. Он жаждал наличности здесь и сейчас. И поскорее потратить часть выручки на стаканчик дорогого пива и баньку с женщинами развязного поведения. Хобби у него было такое же скучное, как и сам бизнес.

Вслед за этим удалым директором из бусика вывалилась женщина с особенно округлыми формами. На женщине был толстый вязаный и местами уже пролинялый свитер и красная, на удивление неподходящая к свитеру футболка не первой свежести. Её ноги заплетались в чёрном платье, которое было скорее похоже на балахон монаха, нежели на одежду в которой ходят на вечерние рауты. Покрашенные в белый цвет волосы с чёрными, уже отросшими корнями ещё больше подчёркивали её отнюдь не молодой возраст.

Когда я подошёл к серому забору, около которого стоял мерседес, женщина уже суежилась, рассматривая надписи и непонятные мне аббревиатуры на ящиках, и уже собиралась закинуть один из них себе на плечо.

Я подошёл с видом скучающего путника, который всегда почему-то напоминает человека, которому нужно что-то нелегальное.

Продавщица не поняла, чего мне надо, взглянула на меня ошалелыми глазами.

– Я тут ищу некую Андреевну, меня охранник из Павловского послал... – бесхитростно начал я.

– А ты откуда? Чей будешь? Мы то уже при крыше...

Я про себя выругался на старые порядки 90-х годов, и покачал головой

– Я не за деньгами. Мне бы узнать у вас кое-чего надо.

Успокоенная старушка, быстро сориентировалась в обстановке и подала мне ящик.

– Вот держи, на второй этаж направо. Там увидишь. Одна дверь открыта, ты туда и неси.

Не знаю, почему я согласился, вроде бы не за тем совсем пришёл. Но помочь бабушке стоило, я надеялся всё-таки узнать у неё довольно-таки интересную информацию о своём странном пристанище, возможно даже узнать историю этой семьи в деталях. Почему фотография была так странно надорвана?

Видимо ничего не остаётся, как пыхтя подтаскивать ящики, и слышать грохот металлических деталек внутри.

Наконец, когда ящики закончились, мы с бабкой опустились в порезанные кресла, которые, по видимому, были оставлены здесь на время командой грузчиков, чтобы после откочевать куда-то в абсолютно другое место.

– Ну, что молчишь? Спрашивай... – схватила быка за рога бабка.

– Я... ну в общем я столкнулся тут с непонятным для меня случаем. Судьба как будто бы сама привела меня в одно место.

– Ну а я то-тут причём? Давай покороче и ближе к телу, – торопливо и рассержено затараторила бабка. Сразу было видно прославленное в народе «рыночное образование».

– Я попал в странный дом там, в Павловском. Там ещё холодильник зелёный.

– Блин, ты что издеваешься? – Вскипела старушка, и уже порывалась встать, когда я достал фотографию, и показал бабульке.

– Ах, ну да... Вы откуда-то узнали про эту старую историю, и приехали ко мне интервью для книги писать?

– С чего это вы решили, что я писатель? – улыбнулся я, ведь писателем я так и не стал, хотя я и порывался в детстве написать стопку книжек больше, чем та, что лежала в прихожей, и отвечивала своей золотистой, размашистой подписью «А. С. Пушкин» Слова старушки мне безусловно польстили.

– Ну я не писатель... А с чего вы взяли, что я писатель?

– Так ко мне они часто ходили после того случая. Очень такие настырные, знаешь ли, все из себя, но одеты плохонько, кроссовки старые, с одной ноги на другую переминаются, вместо брюк спортивные штаны. А ты, видать, другой... Серьёзный. Вот я и подумала, что ты книги пишешь.

– Не совсем. Просто мне... – начал было я, но потом осёкся, не рассказывать же этой, сугубо рациональной старушке про свои сны, тем более с таким удивительным содержанием.

– Ладно, я уже столько ваших перевидала, тоже представлялись по-разному. Один родственником из Карелии представлялся, другой агентом страховым.

Мне то все одно. Я эту семью издавна знаю, не было у них родственников.

Аглая, Глафирья по паспорту, она всю жизнь одинокая была, я ей все намекала, пока мы у неё чаёвничали с братом, что, мол, пришла твоя пора прошлого мужа забыть и новую жизнь начать. А та как подбородок вскинет, отвернётся от меня, баранку откусит, и словно бы и не слышала ничего.

А муж то ейный был из Сибири, уж не знаю, как она его повстречала, только уж шибко гордая она за него была. Ходил он всегда такой важный, осанистый, выправка военная, сразу видно.

А потом писать стал, я-то помню, бывало придёшь в гости к Артемьевым, а Аглая опять свой шикарный самоварчик заварит, начнёт пыхтеть над ним, а вот Романа, так звали суженого её, так и не видно. Я один раз, пока она с самоваром бегала, решила и заглянула в его комнату, ну совсем побороло меня тогда любопытство. Специально старалась не скрипнуть случайно, не спугнуть. Благо двери у них шикарные были, белые такие, дубовые, настолько они тяжёлые, что и не скрипели почти.

В комнате, помню, накурено было сильно. Ну любил Рома курево, я-то его с детства не переносу, – Андреевну прямо передёрнуло, словно бы она снова вернулась в то время, в ту, прокуренную комнату

Так вот, -продолжала старушка. Заглянула я, значит за дверь, а там в пепельнице папироса догорает, и на старом стуле сидит Роман. А вокруг книжки всякие, раскиданы чертежи, Рома так напряжённо, в какой-то ему лишь понятной остервенелости что-то чертит на бумаге. А потом смотрю, глаза поднял, встал из за стола, как ужаленный, да как крикнет на меня, я аж осела.

«Как ты ко мне врываться осмелилась так бесцеремонно, я тебя просил?»

Я стала оправдываться тогда, мол, на чай хотела позвать, а он мне обратно

«Какой чай? У меня тут дело победы решается, дело революции вершу»

Ну я тогда отпрянула, а тут и Аглая с подносом подросла. Бросила поднос на стол, как есть, и на меня накинулась, словно я у них икону выкрасть задумала.

Сгребла меня в кучу и давай к входной двери толкать. А на самом пороге повернула меня к себе и прошептала виновато так:

«Не спрашивай меня Манюня, я тебе всего объяснить не смогу. Но он гений, он действительно важное дело делает, сказал, что от этого зависит судьба страны.

Сможет он своего добиться, выживем и буржуев под корень искорчует, не сможет, погибнет страна»

Я котомку свою схватила и прытью оттуда бежать. А Глаша ещё долго меня взглядом провожала.

С тех пор меня захватило страшное любопытство, я все пыталась как-то намёками спросить, чем занимается муж Глаши, она сразу замолкала и уходила, то в хлев, скотинку покормить, то на кухню, позже возвращаясь с её любимым чаем. Она большая чаёвница была, помню...

Но однажды помню высказалась все-же, что нынешние физики и нынешние медики скоро позавидуют открытиям в своих отраслях.

Из чего я поняла, что он был физиком. А вот сын его старший, тот сразу уехал в город, когда отучился в местной школе. Надо отметить, что и процесс обучения его был своеобразным. Мы, помню, тогда за мясом стояли в магазине, и пришла женщина, седоволосая и грузная, её вдруг в очереди все стали пропускать, это была местная учительница. У неё уже тогда было плохое здоровье, она постоянно доставала из кармашка своей пятнистой блузки пузырёк с каплями. Ну и я взялась помочь этой старенькой женщине, а пока мы шли по грязным глинистым улочкам, я не удержалась и спросила, а этого странного паренька с окраины деревни она тоже учила?

Она мне ответила, что да. Был Юрий с детства нелюдимым, всегда сдерживал себя во время уроков. Иногда, когда задавали особенно трудные задания, мальчик с каким-то особенным рвением тянул свою шуплую ручонку вверх, но потом, очутившись под прицелом едких взглядов одноклассников резко опускал её, и как бы зажимался, уходил в себя.

– И что? Ему не помогали учителя?

– В том и дело, что по словам его классной, а её кстати звали Валентина Георгиевна, его все сторонились. И если другие одарённые дети в потоке часто оказывались целью довольно едких насмешек, то Игоря просто старались не замечать.

Сама внешность молодого человека не только не давала ему стать лидером в коллективе, но и напротив отталкивала от себя доброжелателей. Дело в том, что у мальчика были очень пронзительные и глубокие глаза, цепкие и захватывающие, словно некий дьявольский огонёк обитал на глубине их чарующей бездны.

Кроме того, мальчика от других отличала причёска. Да, именно. У него был короткий ёжик, и, хотя корни волос были тёмными, сверху они были белыми.

Словно бы он поседел в детстве.

И чем больше его игнорировали сверстники с их подростковыми забавами, тем больше он старался учиться. Как выразилась его учительница «ему не давали войти в широкие двери жизни, и он сломал оконную форточку».

А иногда он откровенно пугал свою учительницу. Принесут на урок биологии чудную зверушку, богомола какого-нибудь, все смеются, а Юрий подойдёт бывало, и всматривается, словно всю душу у чудо-животного высмотреть хочет.

Смотрит пристально, взгляда не отведёт.

– И что, как оно дальше все обернулось? – опять вклинился я.

– Ну, насколько помню, все так вот происходило. Жила семья Артемьевых нелюдимо, даже меня они после уже упомянутого случая в гости не звали. Выйдет Глаша за кефиром и бул-

кой в магазин, иногда за дровами выбегал бодрый Юрий, смешной такой, в ушанке, в затрёпанном ватнике и в очках. Не пойми что, интеллигент не интеллигент, но все его чокнутым считали.

Соседские ребята все в футбол бегали, да дрались за школой, а Юра только один раз в конфликт встрял. Уже в седьмом классе, когда подростки стали задумываться над глобальными вещами, в школьной стенгазете поместили заметку со следующим названием «Бытие или сознание, что имеет силу?»

Статейка была проходной, абсолютно невдумчивой, в рамках существующей тогда парадигмы о классовом сознании. Если бы автор немного изучил бы тему, он бы понял, что сознание не является неким отрицательным явлением, а бытие не всегда имеет положительное значение. Но автор написал так как написал. И никто абсолютно не рассматривал эту статейку серьёзно. Более всего школьников интересовала последняя страничка, где упоминались всяческие школьные дискотеки, клубы и мероприятия.

И вот на одной из перемен школьники увидели, как Юрий, подойдя к доске объявлений, начал вдумчиво вчитываться в эту статью, и, дочитав до конца, весь побагровел, достал ножницы, видимо приготовленные для уроков труда, и начал кромсать экземпляр стенгазеты, да с таким остервенением, что даже подоспевшие активисты из соседнего класса – пухлый Жора и спортсмен Армен, не могли ему помешать. В итоге произошла драка. Жора тогда получил больше всех. Юрий сломал ему руку. Сам Юра отделался фингалом, который был получен, как можно было уже догадаться от Армена.

На вопрос завуча, что же сподвигло молодого рыцаря на борьбу с журналистскими ветряными мельницами, Юрий лишь насуплено молчал. За что и получил строгий выговор, с обещанием отработать на пришкольном участке по облагораживанию территории.

В итоге Юрий оказался после уроков с лопатой в руке, в окружении младшеклассников, которые постоянно косились на великовозрастного помощника, похихикивая периодически за его спиной. Юрий тогда услышал эти смешки, отбросил лопату и яростно посмотрел на детей:

– Вы когда-нибудь ещё узнаете обо мне, неумехи... А пока смейтесь дальше!

Малыши притихли от такого наглого, нескромного замечания, исходящего от безобидного на вид очкарика.

Сам же Юрий схватился за очередной куст. Когда работа была закончена, Юрий с явным пренебрежением к своим младшим товарищам сдал лопату дворнику, и поспешно зашагал по улице по направлению к дому.

Дальше учительница описала, с каким остервенением он зачитывался всяческими научными журналами, абсолютно не обращая внимания на литературу и историю.

В итоге, к выпускному году его матери, Глаше, пришлось бегать по всем учителям и слёзно просить о четвёрках в табеле. И тут даже дело не в том, что Юрий не справлялся с другими предметами, просто во всем, что не касалось физики и черчения он действовал по принципу «заучу-отбубню-отстанут». И вскоре это стало ясно абсолютно всем учителям в школе.

И многим это не нравилось. Не нравилось до такой степени, что даже за отлично отвеченный вопрос ему в дневник ставили в лучшем случае три. Никакого горения в глазах молодого человека не наблюдалось.

Но, как только начинался урок физики, Юрий оживал, глаза его буквально загорались, и он смотрел на учительницу так же пристально, как в своё время смотрел на дивного богомола, делал какие-то свои пометки в блокнот, который всегда на уроке вытаскивал из своего старого офицерского планшета.

Кстати тот планшет ему почему-то был особенно дорог, он его тщательно оберегал от других учеников, чуть ли не в столовую с собой носил.

Где-то через год пропал отец Игоря. Произошло это зимой. Соседи так и не заметили бы исчезновение Романа, которого они и так практически никогда не видели на улицах города, если бы не странная сцена, которую пришлось наблюдать почти всему посёлку. После рождественских гуляний, многие селяне возвращались из гостей, и несли с собой пакеты с подарками. К Глаше с Ромой мало кто заглядывал, их дом в основном обходили стороной, они всегда были нелюдимыми, а после скандала, случившегося со мной так и вообще почти не показывались на улицу.

Но в этот год мои соседи, Лежневы, решили почему-то навестить Артемьевых.

Лежневы увидели, что калитка у Артемьевых открыта, и без всякой задней мысли зашли во двор. На скамейке перед домом сидела Глаша, и плакала. Тогда уже Лежневы позвали нас, но единственное, что мы могли добиться от Глаши это всхлипы, плач на плече и два слова:

– Забрали Рому...

Позже, уже после того, когда мы провели хозяйку домой и усадили за стол, она вымолвила ещё одно слово, которое мы тогда не смогли понять, она сказала:

– Добрались...

Позже местный пропойца, слесарь Игорь рассказал нам, что видел, как таинственная белая машина выезжает за поворот той улицы, которая вела напрямую к дому Артемьевых, а в ней сидело несколько солидных и представительных людей в серых пиджаках.

Прошло несколько лет, Глаша сначала пыталась вжиться в общую колхозную бытийность, но было видно, что боль от расставания с любимым человеком съедает её изнутри.

Позже она отдалилась от коллектива, ушла на преждевременную пенсию по инвалидности, сына правда периодически провожала сначала в школу, а потом поехала и устроила его в институт. Но выглядела она тогда уже не лучшим образом, впалые щеки, измученное лицо, извечная синева под глазами.

И показалось мне, что помимо расставания с мужем её преследует ещё какая-то неуловимая опасность, во время своих редких выходов на улицу, она старалась спрятать своё лицо, постоянно оглядывалась, шла быстро, буквально бежала.

Лишь иногда её видели на окраине села, она стояли между двумя ивами, на спуске с обрыва, у самой речки. Как будто ждала кого-то.

А через несколько лет, когда в стране уже грянули перемены, вернулся её сын Юрий. Он возмужал, раздался в плечах, стал видным женихом на селе.

Однако, несмотря на всё это, он никуда не отлучался от своей мамы, что естественным образом вызвало в местных сельских красотках презрительность, даже несмотря на статность и красоту парня.

И вот однажды они пошли с матерью гулять, это не было какой-то редкостью для них. Пошли по дороге к речке, да так и не вернулись обратно, сначала я было подумала грешным делом, что утопились, но где-то месяца через два ко мне участковый постучался, говорит женщину нашли в одном старом здании в метрополии. И её фото показали, она там лежит, волосы спутанные, а около головы лужица кровавая расплылась...

Даже ездила в морг тамошний, опознавать. Говорили тогда, что это её сын родной укокошил, но зачем, почему, я не допытывалась. А потом и вовсе свои внуки подросли из города, дети мне нянчить оставили, я и забыла про эту историю. А потом вон на месте села нашего микрорайон построили, а избушку Артемьевых почему-то оставили, видимо, как были они символом оторванности от цивилизации, так и остались...

Меня аж передёрнуло, но я постарался не подать виду. Следующий же вопрос буквально сорвался с губ:

- А Юрий, сколько ему лет было, когда они пропали?
- Да лет двадцать пять, наверное, даже больше. Он совсем взрослый был. Что-то тут не сходится, отметил я про себя.
- Ну ладно, спасибо вам... – произнёс я, и всё-таки не удержался от финального вопроса.
- А других детей у Глаши не было?
- Нет, я об этом ничего не слышала – сухо произнесла Мария Андреевна, поднимаясь из кресла и на ходу запахивая свой старый линялый свитер.

Внезапные гости

На следующий день я, уже полностью отчаявшись найти работу по объявлениям, отбросил в сторону пачку газет с подчёркиваниями, и подумал, что пора наконец немного расслабиться и дать себе передышку, перед тем, как направиться невесть зачем через тернии к звёздам, точнее к непонятной и загадочной тайне своих снов.

Ближе к десяти, я решил сварить себе абсолютно бесполезный с точки зрения новомодных диет завтрак, который я сам называл «холостяцким пакетом», а именно пельмени, которые в силу своей замороженности не сулили даже аппетитной еды, максимум можно было набить живот.

Ничего другого в виду отсутствия средств я позволить себе не мог.

Ну, разве что... Да, пора бы сходить в магазин за газировкой. Пива я не пил уже давно, водкой баловаться в одиночку привычки не было, так что оставалось дополнить свой холостяцкий завтрак бокалом Курье или на крайний случай «Золотого Ручейка»*. Заодно и куртку из химчистки заберу. * Марки воды намеренно выдуманы, и не имеют отношения к имеющимся в природе маркам.

Побыстрее выскочив из лифта, в котором стояло амбре почище чем в подвале, я на мгновение остановился, чтобы проверить почтовый ящик. Конечно не стоило обольщаться насчёт извещения о крупном наследстве, или ответе от работодателя, но... чем черт не шутит.

В итоге я изъясил несколько маленьких кусочков бумаги, которые сразу отправились в стоящий неподалёку корзину для бумаг, и несколько газет, которые захватил с собой, так, на всякий случай. Заглянув в магазин, я сразу же наткнулся на всем известных и порядком надоевших зверей-аттракторов, точнее бедняг, которые ради небольшого дневного барыша готовы одевать на себя пропахшую потом душную маску героя известного мультфильма.

Внезапно я почувствовал все то же давление в висках. Протиснувшись сквозь шумную толпу столпившихся вокруг, я стал копать в сумке, надеясь быстро найти таблетку спазмалгона, который обычно помогает мне в таких случаях.

Нащупав блистер, я выдал одну таблетку себе в ладонь, а потом сообразил, что лекарство нужно чем-то запить. Тогда я поднял глаза на вывески, и как раз там, где толпился народ, среди колонн, увешанных разноцветными шариками прочитал «Закусочная Перо».

Ресторанчик был оформлен в мексиканском стиле, повсюду были развешаны сомбреро, всяческие маски и кости животных.

Не сказал бы, что это самая оригинальная концепция ресторана, из тех, которые мне довелось наблюдать в своей жизни, однако выбирать сейчас не приходилось.

Я встал в очередь и терпеливо дождался своей очереди, заодно заказал себе шипучки и не удержался от того, чтобы купить два бургера с острым соусом.

Все съестное я убрал в пакет и отправился в химчистку, а потом, уже забрав свою куртку поплёлся домой. По дороге мне встретилось пару неуравновешенных личностей, среди которых была одна дамочка в джинсовом костюме и с маленькой тьявкяющей собачкой на руках, хам на автомобиле и один пьяный дорожный рабочий. Не обошла меня вниманием и консьержка, которая пристально уставившись на мою сумку, решила прочесть мне наставительную лекцию по поводу моего одиночества, заодно пытаясь развернуться ко мне так, чтобы тайком рассмотреть мою сетку. Сработал перестроечный инстинкт, который подсказал ей, что если холостой и одинокий мужчина несёт домой пухлую сетку, то либо в магазине дают нечто особо дефицитное, либо он террорист, который хочет совершить подрыв газового баллона с помощью гексогена. Ну и уж непременно бомбу он несёт именно в этом целлофановом пакете. В итоге она буквально прижала меня к стене.

– Ты хочешь погубить наших жителей, детей, стариков, и все ради чего?...

– кричала на меня невменяемая старушка.

Она трясла меня за плечи, и все так продолжалось бы ещё долго, если бы я не открыл пакет, и не вывалил на пол куртку.

Когда я это сделал, консьержка недовольно бубня, удалилась к себе в сторожку.

Я же решил запихнуть куртку обратно в пакет, и огорчился, увидев, что пакет с моими бургерами превратился в бесформенное нечто, будучи раздавленным бдительной консьержкой.

Красное пятно кетчупа размазалось по белой плоскости газеты. Естественно, что я решил не засовывать куртку в грязный пакет, а донеся его до двери, оставил его, чтобы потом донести до мусорника.

Оставшийся целый бургер вместе с шипучкой перекечевали ко мне на стол, а куртка в шкаф.

Пока я разбирал свои пожитки, весело заиграли первые нотки футбольного гимна, и я поспешил к телевизору.

Когда же матч закончился, я решил, что пора наконец произвести уборку в доме, и взяв большой белый пакет из супермаркета начал сгребать туда все, что накопилось в пепельницах, туда же сложил упаковки от чипсов, бутылочки от лимонада, параллельно осознавая, какой же, абсолютно нездоровый и неправильный образ жизни я веду.

Закончив этот утомительный, но необходимый процесс я вышел с пакетом в руке в коридор, где уже лежал мой предыдущий целлофановый пакетик с заляпанными кетчупом газетами.

Доставая из старого пакета склизкие останки бумажного спама, я пытался не измазаться, и поэтому обратил внимание на серовато-белую поверхность, покрытую стандартным набором рекламных объявлений.

И, на удивление, одно из них привлекло моё внимание.

Это было довольно-таки необычное для жёлтых газетёнок объявление. Оно гласило: «Центр развития разума имени Теслы ищет людей, которые согласятся принять участие в эксперименте, касающемся снов. Тел. 7436721 * Телефон вымышленный, и не соответствует ни одному из существующих абонентов

Так, как это в силу понятных причин касалось меня, я не поленился, и побежал за ножницами и вырезал заметку, оставив её на своём письменном столе, а пакеты вынес на мусорник.

Вернувшись, я стащил с себя шапку, разулся, и побежал к столу, схватив по дороге с дивана мобильник.

– Да, Центр развития мозга на связи- прощелбетал приятный голос молодой девушки.

– Меня в последнее время преследуют странные сны... – Я начал с самого важного.

– Именно такие случаи нас и интересуют. Предлагаем вам сотрудничество. Мы работаем с некоторыми правительственными структурами, и наша задача развить в человеке способность предсказывать реальность... Дальше шёл набор из различных стандартных бла-бла фраз, которыми обильно удобряют свою речь всяческие недомаги и пара-целители.

Я уже было хотел положить трубку, как фраза девушки снова вызвала во мне приток интереса.

Она сказала:

– Особо успешные ученики в дальнейшем смогут трудоустроиться у нас.

Я был против всяческих телевизионных разводов, экстрасенсов-лохотронщиков, и прочей медиа-мути, которая в последнее время просто-таки оккупировала телевизионные программы, но... Почему я должен отказываться от денег?

В конце концов, я надеюсь, мне не придётся кого-либо обманывать, а строить из себя нечто особенное не велика наука для безработного, которому важна каждая копейка.

Я согласился на встречу. Сотрудники центра обещали сами меня навестить, для чего я продиктовал им свой точный адрес, телефон, дал имя и фамилию. Все как обычно.

Уже на следующий день раздался звонок в дверь, и я подошёл к дверному глазку.

В нем я увидел двоих. Один был довольно таки полным человеком, в сером пиджаке и шляпе, а также в нелепых, довольно старомодных очках. Другая была похожа на студентку-аспирантку, приглаженные волосы, размеренно-высунутая прядка, сзади кичка. Довольно безвкусное платье в цветочек, которое было подобрано широким поясом с золотой бляшкой.

Когда я впустил их внутрь, девушка суетливо заёрзала глазами по моей гардеробной. После того, как я предложил им раздеться и проходить в гостиную, она стала быстрыми движениями стаскивать с себя обувь.

Мужчина же наоборот был нетороплив. Его движения напоминали движения сорванной с мёртвой точки статуи, которая двигает своими массивными ногами, кроша асфальт мостовой, а руками размахивает лишь в меру необходимости, ради поддержания баланса.

– А у вас тут загадочная аура- произнёс он, лишь только перешагнув через порог гостиной. Его помощница к тому моменту уже плюхнулась на диван, и вцепившись в его ручку приналась бурлить меня взглядом своих тёмных глаз.

– Как говорить, на большее после развода родителей претендовать не приходится – парировал я, обратив внимание, как он чуть-было не морщится, оглядывая мои, заваленные книгами и разнообразнейшими диковинными лабораторными приборами и склянками, углы.

– Ладно, вы ведь у нас ещё не работаете, оно и понятно, – отшутился очкарик.

– А в чем суть работы? – в ответ я решил взять быка за рога.

Немного помедлив с ответом, мужчина встал, прошёлся около шкафа, осмотрел мои семейные фото, потом неторопливо обернулся и произнёс

– Мы ещё не давали вам своего согласия на работу в нашем заведении – в его голосе я почувствовал металлические нотки.

– Но, постойте, я же дал вам свои данные, точнее вашей секретарше... -сказал я и осёкся, опять словив на себе тяжёлый хмурый взгляд собеседника.

– погодите, -перехватила инициативу девушка. При этих словах, как мне показалось, её тонкие пальцы ещё сильнее сдавили обшивку дивана.

– Мы ещё не познакомились. Кроме того, у нас так принято, что новичкам нужно пройти несколько стандартных тестов, прежде чем они смогут приняться за дело. Да и суть самого нашего производственного процесса... Она особенная. Вам это так же стоит уяснить.

– Да, согласился я, может она и такова, а может и нет, откуда мне знать... – немного раздражённо бросил я в ответ.

– Хорошо, придётся объясниться, – снова начал очкарик. Сначала представлюсь, зовут меня Георгий Важин, я являюсь первым руководителем и основателем института Снов, филиалом которого и является Центр развития разума им. Теслы.

Честно говоря, институт был лишь небольшой кучкой энтузиастов, которые готовы были работать бесплатно, сами вкладывая первоначальные средства, пока нашими разработками кое-кто не заинтересовался.

При этих словах очкарик мимикой и поднятым вверх пальцем абсолютно безапелляционно дал понять, кого именно он имеет в виду.

До этого мы лишь нашли определённую связь между снами человека и реальностью, которую он проживает.

После того, как появились средства мы уже начали медицинские исследования, учитывающие импульсовые, гальванические и прочие замеры во время занятий с испытуемыми.

Вот и сейчас, хотелось бы посерьёзнее изучить, что вы, уважаемый, из себя представляете... – хитро, и с плохо скрываемой долей иронии заявил очкарик.

– Простите, но я и так могу вам сказать, без всяких замеров, – прервал его я, представляя, как на мне будут опять испытывать абсолютно ненаучный, излечивающий от всех болезней прибор в виде тарелочки или замысловатого устройства со множеством ручек и кнопочек и одной, непременно мигающей лампочкой.

– Я человек, из семейства млекопитающих, прямоходящий, мыслящий. Имею навыки осознанной работы. По сути, конечно альтруист, но не простофиля...

Очкарик отвёл взгляд, было заметно, что он привык к подобным репликам.

– Артем, я вас умоляю, – взгляд очкарика стал каким-то по отечески добрым и снисходительным.

– В наши задачи не входит строить из вас дурачка, разыгрывать вас. Мы стоим на пороге величайшего научного открытия, и просто хотим, чтобы вы приняли участие в этом, безусловно важном и полезном деле для человечества. Помимо всего вы будете периодически получать от нас денежные средства за абсолютно пустяковую работу, которую... ну, естественно, при желании... всегда сможете бросить.

И ещё. Вам абсолютно ничего не надо будет платить за этот курс. Я понимаю, что вокруг развелось немереное количество шарлатанов, которые только и норовят выудить у доверчивых граждан их кровно заработанные копеечки.

Мы не такие. Мы, как я уже говорил ранее учёные. Причём большинство у нас имеет официально признанные государственные дипломы.

Так что волноваться вам не стоит. Наша лаборантка поможет вам пройти первоначальное испытание.

– Соня? – обратился Георгий к своей помощнице.

Та кивнула, что издревле в человеческом языке жестов означало одобрение, и раскрыла невесть откуда взявшийся жёлтый чемоданчик, из которого выглянул целый набор колб и пробирок, непонятных шлангов и зажимов.

Она начала присоединять непонятные механизмы друг к другу, а я тем временем поинтересовался, что же и каким образом они планируют проверять.

– Мы сейчас постараемся добиться, и вы нам в этом должны помочь, чтобы ваш разум впал в сонное состояние. Постарайтесь при этом представить на несколько минут самые приятные для вас сонные воспоминания, и после, минуты через три самые тёмные, негативные сонные состояния.

После некоторых манипуляций София присоединила какую-то странную, похожую на старую детскую игрушку машинку, мне на руку, установила нечто, что мне напомнило банки, которые в детстве ставили от простуды мне на бицепс, обмотала серой тканью ногу, вообще совершила ряд абсолютно непонятных мне действий.

Достала пульт, который был похож на один из тех, которые все мы видели в детских мультиках про корабли космических пришельцев, с такими же хаотически загорающимися лампочками.

Устройство это, стоит признать, действительно успокаивало нервы, заставляло погрузиться в расслабленное состояние духа. Я решил, что терять мне все равно нечего, и просто уплыл по волнам своей души.

Когда я закрыл глаза, то почувствовал такое несвойственное мне состояние, при котором веки стали тяжёлыми, разум почти полностью забыл свои повседневные хлопоты, стал тускнеть, и со временем сквозь эту пустоту, как сквозь сито стали проникать лучи тёплого, ослепляющего света.

Через некоторое время до меня, как будто бы из-за крышки тяжёлого металлического люка стали долетать слова.

Они были такими повседневными и будничными, что я даже и не думал сопротивляться потоку сознания, который с каждым новым словом успокаивал меня, заставлял вспоминать хорошие моменты моей жизни.

...Морс, ананас, кораблик, ветки, речка, дорога, мороженное, зима, подарки, теплота, отец, машина...

Отражаясь в моем мозгу каким-то вспыхивающим набором красок, запахов, эмоций, они, как масляная краска размазывались внутри моего черепа, образуя некую непонятную субстанцию, которая, в свою очередь рождала новые эмоции. Я стал медленно погружаться в некое космическое пространство, если это можно так назвать. Там не было звёзд, зато были какие-то контуры, очертания, которые составляли двухмерные, а затем и трёхмерные формы.

Потом я услышал женский голос, который сказал мне:

– Переключайся...

Я начал вызывать в своём мозгу новый ряд символов.

Больница, операция, спина, пожарная машина, электричество, парашют, лес, темнота, закат...

Новый ряд эмоций, новый ряд импульсов создавал на бумаге причудливые волны.

Новая фигура появилась в воображении, новая форма. В которую буквально уплывало моё сознание.

Когда меня разбудили, я встал с явным неудовольствием. Состояние было двойным, с одной стороны эмпатические волны, как я их назвал про себя, притягивали меня к себе, к своему особенному красочному миру, с другой стороны вызывали чувство острой опасности, я понимал, что они открывают мне новый, совершенно особенный мир, основанный на восприятии, основанный на чувствах и красочных эмоциях, загадочных и разноцветных, словно крылья бабочки из австралийского буша.

После того, как я разлепил глаза, первым, что заметил была очаровательная улыбка Марии. Она смотрела на меня как на ребёнка, который для большинства населения Земли является символом непорочности и чистоты помыслов. И пусть даже он и оступается на первых порах, пусть его маленькие ножки падают в грязные лужи, на него никогда не посмотрят с тем презрением, с каким порой люди смотрят на ошибающихся взрослых, для ребёнка существуют только обманчивые и милые улыбки.

Я в этой роли чувствовал себя немного неудобно. Всё-таки я уже давно жил один, не находился на стороннем попечении, а ребёнком, во всех смыслах этого слова, перестал быть ещё раньше.

Поэтому, чтобы прекратить этот странный карнавал загадочных улыбок вокруг себя, я решил разорвать затянувшееся молчание, и спросил:

– Ну, как там ваши показатели. У меня получилось?

Парочка дружно закивала. А очкарик добавил:

– Вы отличный экспонат для нашего сонного музея, если можно так выразиться...

– Я вообще-то живой человек, прошу учесть! – перебил его я.

– Да, да, конечно, как вам будет угодно. Вы же понимаете, что это образное выражение.

– Хорошо, я понимаю. Что дальше мне с этим делать?

– Я постараюсь поговорить с Высшим советом, я думаю они согласятся привлечь вас к нашим небольшим собраниям. Позже мы вам сообщим время и место их проведения.

Я подошёл к столу, нервы были на пределе, я взял карандаш из пластмассового стаканчика с видами Ленинграда времён Брежнева, который достался мне в наследство от прошлых жильцов квартиры, и начал вертеть его между пальцами. Стандартный маневр, на который мне иногда приходилось идти, для того, чтобы хоть немного справиться со своими нервами.

Георгий между тем чем-то неуловимо напомнил мне пастора протестантской церкви, та же лёгкая небритость, тот же радужный отблеск в узких стёклах дорогих очков, та же хитринка во взгляде.

Впечатление уравновешивала София, которая имела хотя и спокойный, но добрый взгляд.

Я проводил гостей до коридора, они стали в спешке накидывать на себя плащи. И вот, по странной и необъяснимой случайности из кармана Георгия выпала на пол с лязгом серебряная зажигалка со странным символом. Пляска огненно-красного пламени между двумя колоннами.

Очкарик обернулся ко мне, улыбнулся своей белозубой улыбкой и подобрал вещичку.

Когда они уже вышли за дверь, я вспомнил, что не попросил у них визитки. Подумал ещё «Это что же, мне теперь каждый раз в головной офис обращаться? Там, наверняка, не знают кто я такой, таковы правила в этих конторках. Обычно тебя поручают какому-то отдельному специалисту, и он обращается к тебе персонально при необходимости.

Эх, видимо меня опять ждёт эта странная процедура, и ещё парочка незнакомых мне людей, которые, возможно, будут оба раза в два неприятнее, чем этот странный очкарик. Жалко, а я ведь ещё не понял толком, чем же занимается эта конторка».

Но, делать нечего. Я зашаркал старыми тапками обратно в комнату, и уже почти что смирился со своей тяжкой долей, когда обратил внимание на диван, на котором ещё минуту назад сидели мои гости.

Там, в самой глубине, почти что под самую седушку завалились два маленьких бумажных прямоугольника. Я вытянул их на свет и прочитал. На первой визитке значилось Георгий Важин, социальный инженер. И семизначный номер. Сверху номера был размещён цветной оттиск, на котором можно было различить Человека, только абсолютно лысого, и как мне показалось бесполого, обвитого змейй.

Вторая визитка была абсолютно чёрной, и на ней значилось. Юрий Бесторнов, радетель.

Я подумал было, что ошибся, и перечитал. Потом протёр глаза и перечитал снова. Нет, наваждение не испарилось. Должность неизвестного мне Юрия действительно была прописана именно так «радетель». За что он радеет, за кого, каким таким необычным образом?

Я подумал, что расспрошу об этом самого Георгия в следующий раз, при следующей нашей встрече, а пока я подошёл к окну, раскрыл пошире ставни и достал из кармана пачку сигарет с красной окантовкой и белым фильтром, вдохнул мятный дым поглубже в себя и выдохнул облачко пара в окно. Пепел заскользил по стене, по каменной, похожей на огромные кирпичики облицовке дома. Я продумывал новый план действий.

Первая поездка за город

Утро встретило меня холодом, началась настоящая осенняя погода. Я поглубже закутался в своё пальто, натянул на голову капюшон, вставил в уши наушники и погрузился в мою любимую музыку. Скандинавские мотивы, расслабляющие звуки флейты.

Сегодня я распланировал день так, чтобы успеть на одно собеседование и, если мне в очередной раз, уже привычно, откажут, сесть на электричку и проехаться по лужскому направлению.

Я все ещё надеялся найти тот самый домик обходчика из своих снов. И потом, ведь не зря именно с железной дорогой была связана та самая необычная записка из старого дома.

Подъезд на новостройку был огорожен металлическими листами разрисованными местными вандалами. В глубине был замечен остов дома, который был похож на огромного слона с торчащими вверх оголёнными рёбрами. Пока удивлённые рабочие из Средней Азии пытались на московском диалекте, перемежая слова с жестами объяснить где находится руководитель работ и бригадир, я уже порядком подустал. Вскоре небо затянулось тёмными тучами, и стайки щуплых и загорелых рабочих с касками в руках стали прятаться в тёмных проёмах недостроенного здания. Я двинулся в сторону серой будки, украшенной сверху тёмным большим кругом прожектора, который поблескивал, словно глаз необычайного фантастического животного.

Именно туда должен был приехать начальник через полчаса и привезти какие-то там бумаги после согласования.

Внутри сидел неприветливый и неразговорчивый молодой охранник в чёрном костюме, который постоянно вытаскивал из своего пистолета магазин, перещёлкивал патроны на стол и обратно. Что естественно не могло не надоесть мне, я сказал, что выйду покурить, а сам открыл фляжку и сделал пару глотков. Нет, это был не алкоголь. Не настолько же я идиот, чтобы перед встречей со своим потенциальным работодателем напиваться.

В небольшой блестящей фляжке был налит цидониевый сок. Мать недавно принесла мне целую банку, и вот я уже успел пристраститься.

Пока я ждал, перед моими глазами снова предстали те самые часы. Я представил их в малейших подробностях. Часы старинной марки, интересно, как их не разглядели любители поднакопать древностей, или просто рабочие, которые в начале 90-х взялись реставрировать здание в надежде на крупную бенефицию от новоявленных миллионеров.

Небольшая вещица, похожая на работы Штольца Фрира, знаменитого австрийского мастера часового дела, тёмные стрелки остановились в положении трёх часов и пяти минут. Небольшой ангелок указывал пальцем вверх.

Впрочем, зачем они сейчас эти подробности. Если дело пойдёт также, как и в прошлую неделю, то вскоре мне не то что о часах, о еде придётся задуматься.

Но и в этот раз меня ожидало разочарование. Мастер приехал весь какой-то всклокоченный, оттянул галстук, бросил на стол какие-то схемы, и пошёл к прорабу, я не решился к нему обращаться в таком состоянии.

А когда он наконец обвёл меня тяжёлым взглядом своих немигающих глаз, покрасневших толи от недосыпания, толи от хорошего виски, я понял, что и на этот раз меня ожидает полный фурор.

Так и произошло. После того, как мне заявили, что должности рабочего для меня нет, есть только должность, которую можно было охарактеризовать как «подай-принеси-замеси раствор-повесь флажок», я в первый раз сам, толи от усталости в поисках работы, толи от нервов, а может от того, что мои мысли уже были направлены на поиск некоего домика у дороги, бросил «Спасибо, я перезвоню» и удалился.

Как же я после этого улыбался сам себе, когда сидел и лопал мороженное в привокзальной забегаловке... Видимо улыбка отразилась-таки на моем лице, что вызвало нездоровый интерес немолодых дам, коротающих здесь время до отправки своих составов, седобородых бомжей, немногочисленных семейных пар, которые были здесь в явном меньшинстве.

Отлично, подумал я, видимо для них я очередной городской житель, который от бытовухи тронулся умом. Меня же просто забавляло, что в этом городском муравейнике я могу быть не только муравьём, беспрекословно выполняющим свою работу под диктовку социума, а тем, кто волен отказать и плюнуть на диктат урбанистического алчного и бездумного правления. Пусть и так. Пусть лишь на уровне директора фирмы, но всё же...

Усевшись поудобнее на скамеечку на перроне, я ел самое вкусное в мире мороженное, и улыбался себе. Мир и разум, они намного прогрессивнее любой, самой прибыльной работы. Они, и только они могут оставить след в нашей беспокойной жизни. Только времени на то, чтобы остановиться, задуматься, начать идти в свою сторону против протоптанной дороги на кладбище, увы, чаще всего не хватает.

Для меня это моё небольшое «расследование» стало таким вот шансом вырваться из удушающей действительности, которая загоняет нас, словно рыб в широкие, но все-же ограниченные верши. И чем дальше по жизни, тем верши все уже, кто ж этого не замечал?

К счастью, денег хватило ещё и на рожок с тмином, а также на пачку кефира, на сегодня, к сожалению это наверняка должно было остаться единственным моим ужином.

Но загадка, которая увлекала меня, отчасти заглушала даже голод.

Грохот возвестил мне, что пора поднимать своё заднее место, и следовать к вагону. Когда я уместился на уютное кресло, специально выбрав то, что было поближе к окошку, с которого должно быть видно поселение за насыпью, я услышал странный мотив, который доносился из тамбура. На удивление, из двери вышел не мальчишка с гитарой, и даже не очередной сборщик средств с бегающими глазами, красными от похмелья. Из двери появился дед, какой-то ну уж слишком нескладный, да и выглядел он как-то неуклюже.

Несмотря на шапку-ушанку, натянутую почти на самые брови, дедушка был одет в старый коричневый пиджак и в рубашку, застёгнутую по самое горло.

Лицо покрытое плоской, лопатообразной бородой периодически косилось на пассажиров электрички, но самое странное было не это.

Странным был инструмент, на котором играл старичок. Это была необычная такая смесь шарманки и музыкальной шкатулки.

Иногда из ящичка посередине периодически повторяющейся мелодии доносились звуки похожие на скрип велосипедного колеса, а потом тихие звуки, больше всего похожие на удары маленьких барабанов.

Что-то эти звуки мне напоминали, но я затруднился с ответом на вопрос что именно.

Старичок прошёл по вагону, вышел в тамбур, и мне почему-то стало очень грустно. Он то даже денег не собрал толком. Хотя, судя по его уверенной походке, сбор денег уже ничего особенно не решал в его нелепой, возможно, полной трудов и свершений, но по итогу такой бесполезной жизни.

Я даже на минуту отвлекся от пейзажей за окном, так мне захотелось последовать за ним туда, в глубину его тёмного железнодорожного бытия, расспросить его о жизни, о горестях и радостях, поджидавших его там, на окраине, за пределами железнодорожного состава. Я запихнул в сумку свой плеер, в пакет положил недоеденный рожок, и двинулся за ним, сжимая в руке квадратную зелёную пачку кефира.

Когда я вышел в тамбур, то от шарманщика не осталось и следа, я закурил, и заглянул в маленькое окошечко двери, ведущей в соседний вагон. Что-то странное валялось на полу, я не придал этому внимания. И тут пришла какая-то слабость во всем теле, казалось ни один мускул не хотел повиноваться. Время остановилось, как в тот раз, в доме, и я увидел того же

парня, который в этот раз показывал на зачирканное окошко тамбура, и словно бы кричал что-то, но звуков не было слышно.

Я хотел было повернуться к двери, но не смог, мышцы были как будто-бы заморожены. Последним усилием воли я собрался, и всё-таки смог оторвать спину от стенки тамбура и заглянуть в темнеющую даль. Тёмная крыша и побелённые ставни мелькнули рядом с раскинувшей свои ветки ивой, рядом с небольшим заборчиком, недалеко от леса. Но рядом не было никакой станции. Я подумал, что это, видимо, морок какой-то одолел.

Но позже, уже прильнув к окну, чётко узнал в очертаниях удаляющегося строения ту самую одноэтажную постройку, которую видел один раз во сне. Но до следующей станции было ещё минут пять. Как такое могло случиться? Может быть я уже когда-то проезжал здесь, и запомнил, как выглядел этот домик, а потом перенёс его облик на постройку в своём сне?

Но ведь я никогда не засматривался в окна. Впрочем, всякое может быть.

Однако, коль скоро я нашёл то, что искал, стоило поподробнее разузнать про этот домик.

Я потушил догоревшую к тому моменту сигарету о стенку тамбура, и дёрнул за серебристую дверь, разделявшую вагоны.

В небольшом коридорчике-гармошке, который разделял вагоны я увидел что-то тёмное, валяющееся под ногами.

Я нагнулся и разглядел тёмный парик. «Странно, – подумал я. Зачем этому старикашке было переодеваться?»

Пока наш поезд добрался до полустанка, вечер начал неумолимо отвоёвывать небо у дня, окрасив все вокруг в такой красивый тёмно-синий цвет. Светло оранжевый свет фонарей гармонично вписывался в это вечернее благополучие. Вот реально, а почему мы думаем, что вечер – это чёрные тени?

Пока я, закинув сумку на плечо, добирался до зала ожидания, я пытался найти глазами того самого старичка, а может быть и не старичка, теперь уже для того, чтобы спросить его о причинах его поступка, но найти его в толпе мне так и не удалось.

Тогда я подошёл к находящемуся внутри вокзала ларьку, попросил шипучки и булочку, продавщица, бурча что-то под нос, дала мне два пластмассовых стакана и зелёную бутылочку, наподобие той, в которых раньше продавали пиво. Этикетка на бутылке отсутствовала. Я спросил:

– Что это за напиток, девушка, и почему стаканчика два?

Продавщица, так и не переставшая после моего вопроса жевать жвачку, просто убила меня своей откровенностью. Наклеив жвачку на край тарелочки для сдачи, она устало ответила:

– Да знаю я вас. Вы только запивать берете. А два стаканчика, потому как явно двое будете употреблять, а гигиена- первейшее дело...

Я, вспомнив, как она своими плотными пальцами приклеивала жвачку на блюдце улыбнулся про себя, а она продолжала

– Напиток наш, местный, его приусадебное хозяйство Бесторновых делает, а наклейки оно на местный рынок не наклеивает, только в Москву бирки теснят, а тут продают с лотков, мы вот у них всегда отовариваемся. Вкусно очень, и все из натурального продукта, они там травки всякие собирают, смешивают. Частенько колхозники, эти алкаши, – скривилась продавщица, – из соседских, мне по пьяни все рассказывают... воняет у них там, словно в бане напаренной.

Перед глазами сразу появилась та самая чёрная визитка, которая в своё время так благополучно выпала из кармана странного доктора Георгия, а после оказалась на подушке моего дивана.

«...Тот самый странный радетель. Кто же он на самом деле, почему его визитная карточка была рядом в кошельке доктора?»

Отпив странного напитка, я почувствовал довольно странное послевкусие. Как будто на языке остались частички корицы, только вместо корицы, вкус лимонада больше напоминал вкус тех пряных трав, вкус которых я прекрасно запомнил ещё в детские годы, когда я помогал родителям перегружать снопы сена в овин.

Пришлось запить напиток остатками кефира, привезённого с собой, благо я не успел выкинуть пачку в мусорник.

Я подумал, что нужно поймать машину, вместо того, чтобы переться несколько километров ногами, вышел на старую разбитую дорогу, и обошёл стороной стайку кавказцев, которые от жары обмахивались своими пресловутыми кепками и уже оглядывали приезжего на предмет «Эх, давай подвезу братишка! Садись, недорого...»

Я подумал, что на абсолютно разбитой колымаге, а такие у подобных товарищей только и есть в наличии, я не доеду до конечной цели, и буду ещё долго партизанить в окружающих лесах, пока не обрасту бородой и не стану бросаться на любого проходящего с криками «Гитлер капут!».

Поэтому я выбрался на захолустную трассу, на которой, хоть и стоял одинокий и покосившийся знак остановки, признаков частого движения общественного транспорта замечено не было.

Картина, предстающая перед взглядом одинокого путника, представлялась совсем уж невесёлая. С одной стороны чаща и бурелом, дорогу к которой преграждала плотная стена пожухшей травы, перемешанной тут и там с борщевиком. С другой стороны виднелся промозглый серый горизонт, который казался невыносимо безжизненным на фоне темнеющих валунов кое-как перепаханного поля.

Скрашивала эту картинку почерневшая кровля старого амбара, который виднелся вдали. Крыша его напоминала чёрную пасть старого, застывшего в предсмертном крике животного. Кругляши камней в основании амбара напоминали чешую этого странного животного.

Казалось абсолютно логичным продолжением то, что с неба начал лить холодный, неприятный дождь. Я натянул капюшон на голову, и остановился на обочине, в надежде, что хоть какой-нибудь дачник подберёт меня и добросит автостопом до точки моего назначения. Порывшись в карманах, я нашёл помятую, заваливающуюся там с лучших времён купюру, которой я в случае чего расплачусь с шофёром.

Когда по шоссе начали один за другим пролетать автомобили, освещая трассу светом своих галогенных фар, я немного успокоился, однако, как выяснилось потом зря.

Видимо этот участок трассы не вдохновлял усталых, возвращающихся с работы, людей на альтруистические поступки. Машины проезжали мимо одна за одной, а я только успевал поднимать руки в исступлении.

Когда прошло уже минут двадцать, а я успел окончательно промёрзнуть, уже представляя себя таким замороженным мамонтом, остановилась тёмно-зелёная лада, из-за тонированных стёкол которой показалась обросшая щетиной физия шофёра.

– Эй, иди сюда, чего скучаешь? – обратился он ко мне с характерным южным говорком.

– Я бы с удовольствием сейчас у себя дома поскучал, но пока никто не соглашается туда меня подвезти- пританцовывая от холода откликнулся я.

– А деньги у тебя есть? – ухмыльнулся южанин. И потом, как-то смягчившись махнул своей здоровой лапой, приглашая меня забираться на заднее сидение его драндулета.

Когда я залез в салон, то почувствовал бьющий в нос запах одеколона, причём не из самых приятных. Зато в душном и тесном салоне было не холодно.

Шофёр начал сразу деловито что-то насвистывать, роясь в бардачке, и, казалось, совсем не обратил внимание на купюру, робко протянутую ему.

Я обратил внимание на недешёвую автомагнитола, которая смотрелась в салоне лады, довольно потрёпанной и местами побитой, довольно комично.

Ну, по крайней мере я наконец доберусь до места из моих снов, подумал я.

А в это время по ушам неприятно резанула музыка. Какая-то глухая, с басс-барабанами, приглушёнными нотками, и наоборот, нотами, которые «взрезали» пространство, словно лезвия электропилы.

Я попытался не думать про эти неприятные моменты, прикрыл уши капюшоном, и уткнулся в окно. Но вскоре меня стал сильно нервировать звук из деки, поэтому я попросил водителя уменьшить звук, и он согласился.

Где-то посередине дороги, меня удивил резкий звук, который явно выбивался из общего потока. И тут я опять погрузился в сон.

Это произошло абсолютно неожиданно для меня. Словно засосало в тёмную воронку, в конце конечно, как и в обычных видениях появился свет.

Я сразу вспомнил то самое ощущение, которое испытал в особняке.

Тот же самый свет голубовато-фиолетовый, он медленно обволакивал меня, потом наступила тишина.

Я оказался в лесу, рядом лежали вырванные с корнем деревья. Небольшие сосны раскачивали свои ветви на ветру.

Под ногами хлюпала грязь. Я прошёл немного вперёд, услышал звуки проезжающих автомобилей, увидел красные ребра связной вышки. Такие обычно располагаются рядом с аэропортами. Потом я увидел небольшой холм, что-то абсолютно неосознаваемое повело меня туда, словно вытолкнуло с тропинки.

Посередине разросшегося ольшаника стояла пара. Мужчина в плащ-палатке обнимал женщину, словно это было их последнее свидание. Она молчала, из глаз текли слезы, он стал отступать назад, а она положила руку ему на плечо.

Потом резко обернулась и я увидел ручеёк слез, который тек по её лицу.

Черты лица были утончёнными и нежными, руки безвольно протянулись вдоль туловища, глаза были растерянными, шея, закутанная в тёплую серую шаль, немного опустилась.

Когда девушка покинула опушку, мужчина устало смахнул скупую слезу, и двинулся в сторону соседнего пригорка. Я не заметил, как вдруг на опушке появились дикие звери.

Целая стая волков, которые правда были скорее похожи на сумрачные сгустки тьмы, выскочили из-за кустов справа и слева. Они уставились пристальным взглядом на меня, и их взгляд буквально загнипнотизировал меня, так, что я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Когда наконец я перевёл взгляд на путника в плаще цвета хаки, тот уже скрылся за деревьями.

Я сжал руки в бессилии, и тут увидел довольно толстую ветку среди бурелома, который меня окружал.

Я схватился за неё, это фактически был мой единственный путь к свободе, кроме того я хотел догнать встреченного мною человека в плаще.

Как только я замахнулся палкой, я услышал странные звуки, которые исходили из пасти животных.

Оскалив молочно-белые длинные зубы, они начали выть, причём голоса их напоминали скорее завывание сирены, нежели вой животного.

Когда я стал приближаться, эти серые сгустки чёрной пустоты стали отступать.

Я сделал шаг, преодолевая свой страх, шаг в сторону неуклонно сгущающегося сумрака бурелома, и увидел лишь туманную дымку, которая предвещала холодную неизвестность.

Человека в плаще нигде не было видно, не заметно было даже следов на мокром лесном мхе.

Я стал судорожно озираться, в надежде услышать шорох, хруст ветки под ногами незнакомца, или какой-то иной признак присутствия человека.

А потом я услышал тот самый звук пилы, который вдруг разрезал влажную могильную тишину лесополосы.

Звук словно опускался с самых крон деревьев, качающихся под порывами ветра.

Внезапно я увидел дерево с вырезанными на его коре инициалами и поспешил к нему, ведомый лишь интуицией.

Приблизившись, я обнаружил, что это все те же буквы, что и около усадьбы, хотя и сделанные более торопливо и размашисто.

Подбежав ближе, я увидел фигуру незнакомца, который склонился где-то там в дымке над замшелой сопкой, а потом фигура распрямилась и удалилась в сторону шоссе.

Я подобрался поближе, и увидел, что мох, который рос в огромных количествах рядом с корнями небольших берёз на склоне сопки, в одном месте был разрыт, и спешно присыпан.

Когда я уже был совсем рядом, я увидел очередную вспышку, и понял, что оказался снова в салоне шедевра местного автопрома.

Шофёр, не обращая внимания на меры безопасности в пути, разговаривал с кем-то по допотопному кнопочному телефону, облокотившись на окошко локтем, а одну руку положив на руль.

Я решил, что мы проехали достаточно далеко, попросил сбавить скорость, но приглядевшись, понял, что мы едем буквально через поворот от того места, где меня застигло это странное видение.

Я переспросил водителя, он подтвердил, что мы не проехали и полпути до посёлка, который должен был по моим расчётам появиться вот-вот в моем окошке.

Однако, нам пришлось проехать ещё значительное время, в желудке уже творился полный ад, я бы сейчас, наверное, съел бы целого барана, будь тот в моем распоряжении.

Наконец я увидел на горизонте очертания здания с покосившейся крышей, которое, словно гнилыми зубами ощерилось светлым кирпичом.

Я протянул смятую купюру шофёру, и попросил меня посадить рядом с глиняной поперечной тропкой, которая вела к домику, наполовину закрытому длинными ветвями покосившейся берёзы. На мою просьбу подождать меня минут пятнадцать шофёр кивнул, но заметил – Только недолго, а то клиенты ждут...

Я порывлся на этот раз во внутреннем кармане куртки и вытянул ещё одну купюру. Шофёр заметно подобрел, и отвернувшись, оперся на машину, затянувшись папироской.

«Благо, догадался фонарик взять с собой» – подумал я, и бойко зашагал по глинистой почве, надеясь быстро все выяснить, а может быть даже и разрешить загадку, которая буквально съедала меня все эти последние дни.

Дорожка плутала посреди сосен, под ногами раскинулось целое море их иголок, шишек, по бокам росли какие-то диковинные травы и растения, изредка доносилось кваканье лягушек, а из дальней чащи даже мерные звуки дятла, долбившего по сосновой коре.

И почему-то к этому многообразию звуков в моей голове примешивалось как будто бы тиканье огромных подвесных часов, примерно таких, как стояли в своё время у нас в гостиной. Домик был огорожен скромным забором из сетки-рябицы, однако двери калитки были открыты.

Я зашёл под тонкий кровельный навес, который спасал небольшой бетонный прямоугольник крыльца от дождя и снега.

Дверь была испещрена царапинами, словно её порезали ножом. Тут и там виднелись вмятины, облупленности. В общем обычный домик провинциального жителя, со всем своим неподражаемым колоритом.

Я заглянул в окно и увидел внутри тусклый огонёк, внутри было пусто, однако, когда я прислушался, я услышал тихие шаги. Сначала я подумал, что это какой-то заплутавший путник, который зашёл в чужой дом погреться, однако подёргав ручку, я убедился, что двери закрыты.

Тогда я постучал в окно. На моё удивление в коридоре заморгал неровный огонёк свечи.

Стас

Металлический лязг открывающегося замка заставил меня насторожиться.

Однако человек, который мне открыл не вызывал каких-то особенных подозрений. Про таких на деревне говорят «пропойца». Одутловатое лицо, засаленная майка, которую в своё время так и прозвали-алкоголичка, спортивные штаны из которых откровенно виднелись синие трусы семейки, коричневые тапки. Мужчина недовольно мялся на пороге, потирая ладонью свою трёхдневную щетину.

Дисгармонией казались в его облике только золотые цепочки с полпальца шириной, коих у него имелось в наличии не менее четырёх.

Подняв на меня свои красные глаза, он ленно произнёс тем самым голосом, который все успели изучить в девяностых:

– Чего хотел?

Я попытался прикинуть, как бы мне не вывести его на эмоции, что в моем положении было бы откровенно глупо. Но в то же время я понял, что внятно объяснить цель своего визита, наверное, не смогу.

Поэтому я решил схитрить. Довольно невинное занятие, когда перед тобой стоит амбал, как будто-бы только что прямиком вернувшийся на машине времени из девяностых. Красное, пропитое лицо, заспанные глаза.

Внезапно и совершенно неожиданно он достал из-за спины вторую руку, на моё счастье там был отнюдь не добытый на складах шпалер со спиленным номером, частый гость сериальных детективов, а пучок какой-то зелени, который тот стал прямо на моих глазах жадно и беспардонно пережёвывать своими чернеющими зубами.

– Я пришёл осведомиться о судьбе Глафиры Артемьевой. Я представляю общество Память Народная.

– Документ есть? – ощерился амбал, заставляя меня судорожно в уме перебирать варианты ответа.

– У нас есть только значки, документы есть у организаторов, можете поинтересоваться в справочнике... – Я надеялся, что мордovorот не станет копать в тоннах макулатуры, обычно лежащей мёртвым грузом на нижней полке под телефоном.

Амбал махнул рукой, и сухо сказал:

– Пошли... Телефон все равно не работает, что мне толку от справочника.

Я последовал за ним. В доме было убрано, но обстановка казалась крайне бедной. Комнаты, по которым я шагал могли бы вполне стать экспонатами в музее «Так было в пятидесятых».

Серые скатерти без узоров, но с окантовкой, пошарпанные табуретки, в углу виднелась тёмная прокопчённая иконка.

Амбал пододвинул к себе табурет и сел напротив меня.

Пламя свечи то затухало, то снова выхватывало из темноты скромное комнатное убранство.

Немного раздражённый темнотой, я спросил:

– У вас электричества что ли нет?

– Ага, -ответил краснолицый тип, и как-то по-детски пожаловался, -три дня уже как нету. Я вон телек хотел сегодня посмотреть. Сегодня Антажи играет, а я за неё болею с детства. Черт побери!

Амбал сплюнул в угол комнаты, и потёр пальцем переносицу. Видимо таким образом он выражал свои переживания.

– А вы не переживайте, я сейчас камин затоплю, – как-то излишне озаботившись произнёс хозяин, и мне стало даже как-то не по себе.

Мало того, что отвлекаю хозяина, так ещё и огонь из-за меня придётся разводить.

Я подвинул свою табуретку, пока амбал копошился у печки, пока, насвистывая неспешно принёс из-за дома дрова, пока комкал старые Известия, которые предназначались для розжига.

Когда разгорелся огонь, в комнате стало теплее, а наступающий вечер стал ещё загадочнее.

Амбал представился Станиславом Коротовским, но сразу же попросил называть его Стасом. Я представился Рэмом, не знаю, почему это имя всплыло у меня в мозгу, да это было и не важно. Уверенность, что я больше никогда не увижу этого типа, давала мне большую свободу действий.

Я решил поскорее разрубить гордиев узел и когда парень снова уселся за стол, прямо спросил его про Глафирью:

– А где хозяйка то ваша?

– Вы про кого? – удивлённо уставился на меня детина.

– Ну про того, про кого и спрашивал раньше, про Глафирью.

– Аааа, – амбал немного даже поморщился от смущения, – Глафа, она у нас устроилась надомницей.

– Это как? Как это «надомница»? – переспросил я, с одной стороны поразившись такой излишней фамильярностью по отношению к Артемьевой, а с другой даже не вспомнив такого слова – надомница.

– В своё время у нас жил один учёный, он с моим отцом был... ну вроде как коллеги они были, а потом тот учёный уехал, а через некоторое время появилась Глафа, говорят, она где-то здесь в округе в своё время жила, вот вернулась, а дома нету. После войны всякое бывало.

– Кто говорит? – оживился я.

– Ну, я помню, ещё отец рассказывал, что знал Глафу до войны, а с мужем её они даже на охоту в своё время ходили. Знатный тот охотник был, говорят мог часами за каждым бугорком из засады своей следить, а зайцев стрелял так, что бывало придёшь домой, а тушки по всему двору развешаны.

– А потом что приключилось?

– Приехали они как-то, муж её потом быстро уехал, а Глафа осталась. Устроилась у нас молочницей, а в свободное время меня воспитывала. Некоторое время... -добавил амбал, подставляя пепельницу, и затягиваясь сигаретой

– Вы, я так понимаю из города?

– Ну, – замялся в очередной раз, краснея, парнишка, – вообще-то я на местной станции проходчиком работаю, правда платят гроши, да и ездить далековато, но другой —то работы здесь нет...

Я окинул затхлую лачугу взглядом, и глаза сразу выцепили почти новую кожаную куртку, как у рокеров, такую на молодёжном сленге называют «косухой».

Я подумал про себя, что такую вещицу на свои кровные небогатый паренёк-обходчик позволить себе уж никак не может, но естественно вида при этом не подал.

– Ну а в город я наведываюсь часто, по правде говоря я тут радиоэлектроникой занялся, для схем детали на барахолке покупаю. По четвергам я в город еду, в пятницу вечером возвращаюсь. Бывает, что и во вторник кое-чего хорошее находится, когда продавцы новую партию получают.

Тут уже мои сомнения обрели абсолютно отчётливые очертания, потому как мой приёмный отец был завзятый сторонник создания всяческой техники своими руками, и я помню, что его стол всегда был просто испещрён прожжёнными чёрными следами от паяльника, а на столике, за которым я сидел, как и на маленьком столике в предбаннике, я заметил всего лишь несколько выжженных полосок, которые могли свидетельствовать как об увлечении хозяина радиоэлектроникой, так и пристрастии оного к табаку.

Впрочем, полоски были старые, и в любом случае не свидетельствовали о постоянном использовании стола для подобных нужд. Да и сам вид хозяина в помятых трениках на первый взгляд никоим образом не напоминал мне образ радиолюбителя-одиночки.

В углу, между тем я смог разглядеть кучу непонятных приборов, впрочем, пыль, осевшая на них плотным слоем, указывала на то, что к ним долгое время не прикасались.

Я решил не выказывать пока своего замешательства, просто продолжил беседу.

– Вы говорите, что не видели больше её мужа. Но вы знаете, кто он, чем занимался?

– В основном я знаю лишь то, что рассказывала мне Глафа. Говорила, что он занят какой-то своей бредовой идеей, а про свою семью забыл. Вот и тогда, когда он последний раз навестил нас, они долго гуляли, сначала у нас в садике, а потом у обрыва, и даже мне, через стенку, были слышны их гневные реплики и оскорбления. Мать, правда, увела меня тогда в детский садик, а вечером, когда я вернулся домой его уже не было.

– А что за идея такая? Вы что-то слышали?

– Да нет... -замаялся парень и начал поглаживать свою лысую голову ладонью, которая больше напоминала лапу.

– Родители рассказывали, что это что-то связанное с тонкими мирами, со временем...

В общем-то я так понял, что он им толком не рассказывал. Это и понятно, тогда все учёные были под колпаком у КГБ и давали подписку.

Я в этот момент понял, что амбал не особо разбирается в квантовых явлениях, да и собственно физику он изучал максимум по программе школьного образования, не больше.

И тут я заметил небольшую деталь, которую не заметил ранее.

На стене около камина я заметил небольшую цепочку коричневых пятнышек. Почти незаметные и отчасти замытые пятнышки на отбелённой поверхности каминных изразцов увеличивались в размере, следуя по направлению к полу.

Я быстро перевёл взгляд на собеседника, а тот продолжал:

– ...Мы с Глафой никогда не ссорились, но пообщаться на тему её мужа нам не удалось.

Лишь один раз в год в апреле она обычно одевала чёрный платочек, и отпрашивалась у нас на день. Мать моя, её кстати Софьей звали, говорила, что она собирала в такие дни свой коричневый портфель, который часто носила с собой, и уезжала на автобусе в город.

– А в каком году это было?

– Ну где-то в шестьдесят третьем-шестьдесят четвёртом, точнее не припомню.

– Спасибо, я постараюсь найти ещё информацию о вашей постоялице в городе, а пока для полноты ощущений, прошу провести меня по вашему саду.

– Конечно же... – заторопился визави, поспешно убирая чашки, и стараясь как можно больше закрыть собой стенку, на которой виднелись запёкшиеся пятна. По этому его поведению, я уже примерно представлял, что это могут быть за пятна.

И именно поэтому я стремился как можно быстрее покинуть этот дом. Благо меня сопровождали, поэтому неприятностей от амбала можно было не ожидать.

Мы вышли на террасу, на дороге, около своей машины стоял мой шофёр, судя по красному огоньку, который был отчётливо виден на фоне вечерней темноты, прошли мимо него, рассекая ногами заросли травы, которая местами была нам по пояс, и внезапно оказались на лужайке, посередине чернели угли от костерка, на другой стороне росли несколько старых

яблонь. Чуть левее было обустроено нечто вроде коптильни, бугорок земли, с врытой прямо в землю жестяной дверцей, в таких обычно коптят рыбу.

Я последний раз бросил взгляд на неказистый домик и услышал робкое шофёрское:

– Ну что, поехали, начальник?

Я обернулся, и увидел робкие, какие-то по-ребячески взволнованные глаза этого труженника колёс, обычного русского увальня, в модной майке босс и кроссовках, которые резко контрастировали с его коричневой замшевой курткой.

– Поехали, махнул я рукой, и отправился по шуршащей под ногами гальке к открытой дверце машины.

Когда я приехал на вокзал, мой шофёр, попрощавшись со мной, обнажил свои ужасные зубы, изображая улыбку, и тихо произнёс:

– Будь осторожен...

Но мне же закон не писан. Я, уже привыкший ко всяческим неожиданностям, вытащил из салона сумку, повесил её через плечо, и уставшей походкой свернул на стоянку, где стояли нелегальные таксисты. Те переминались с ноги на ногу и поглядывали в сторону вокзала, было видно, что эти суровые парни замёрзли, и уже посматривали в сторону своих рабочих лошадок, с целью удалиться в сторону домашнего очага.

Завидев меня, они увидели во мне шанс завершить свою рабочую смену, поэтому изначально каждый дёрнулся в мою сторону, но тут рослый седовласый кавказец с перстнем на руке, в кожаном истёртом пиджачке отодвинул собратьев в сторону, и те отступили.

Подойдя ко мне немного пошаркивающей походкой, он опустил свою огромную лапу мне на плечо, и возмущившись своими тёмными орлиными глазами на меня и сочувственным тоном произнёс:

– Поздно уже, злых заведений тут по близости нет, где можно было бы до утра перекапаться, а вот до гостиницы я тебя докинуть могу.

И добавил, улыбаясь, вечное шофёрское.

– Недорого, обещаю.

Пока я, разминал свои замерзшие конечности, располагая своё тело на таких непривычных для меня кожаных сидениях шофёр сидел несколько минут, практически не обращая на меня внимания. Я ещё, помню, удивился, откуда у обычного таксиста кожаный салон. Он вглядывался в плоский экран своего смартфона, как будто бы ждал от кого-то ответа.

Наконец, он захлопнул кожаную крышечку, и немного крякнув потянулся к ключам, торчащим из гнезда зажигания.

Я смотрел, как за окном сгущалась вечерняя мгла, машина заревела, дёрнулась вперёд, потом приостановилась.

– Опять эта проклятая система сигнализации барахлит... её же дивизию, – выругался кавказец

– Давно просил брата расковырять эту колымагу, все времени у него нет.

Я улыбнулся, представив, чем занимается в основное время «брат» этого героя гор. Наверняка для него крылья, бампер и колеса ценятся куда дороже чем автомобиль целиком. Но вида я, естественно, не подал, а просто кивнул, обозначая своё сопереживание чужому горю.

– Может подтолкнуть? – поинтересовался я.

– Да, не мешало бы... Но просить об этом моего дорогого гостя. Это уже ни в какие ворота не лезет.

Я махнул рукой, выражая этим жестом мелочность проблемы, и, матерясь про себя, вылез и нагретого салона машины в холодную вечернюю атмосферу, наполненную водной дождевой взвесью.

Под ногами хлопала вода, но серьёзного дождя не было, в любом случае добраться домой хотелось побыстрее, поэтому я приналёг на покатый кузов машины так сильно, как только мог. В итоге мы проделали немаленький путь, пока колымага наконец стала подавать признаки жизни.

Когда я забрался обратно в салон, шофёр протянул мне руку, и, улыбнувшись, представился

– Рахим. Меня тут все правда зовут Клещ, и отнюдь не потому, что я бросаюсь на каждого клиента, просто у меня руки сильные, ну ты, наверное, ощутил, когда со мной здоровался...

Я, ничуть не покривив душой кивнул ему.

Клещ достал из бардачка небольшой китайский термос и налил в одноразовый стаканчик тёмную тягучую жидкость.

Я протянул руки взял стаканчик и начал греть замерзшие ладони.

Шофёр отхлебнул от своей порции и закатил глаза от приятного ощущения.

Я поднёс жидкость к носу, вдохнул, и сразу ощутил целый букет из трав, каких-то неведомых пряностей, душа моя буквально утекла в зелёные горные луга, где мне в своё время, ещё при существовании советской власти удалось побывать. Потом попробовал и сразу поморщился. Слишком терпким был вкус этого странного кофе.

Рахим заметил мою реакцию, и улыбнулся.

– Ай-ай... так и думал. Вот вы, городские, не приучены совсем к пряностям, а для нас это сама жизнь. Мне это снадобье лучше алкоголя помогает не заснуть за рулём, алкоголь-то он сморить пытается, а кофе, которое моя Манана готовит наоборот, тонизирует, подбадривает, да и отравиться местным перекусом труднее становится. У нас ведь только природа под рукой, она как жизнь, так и смерть приносит, а жизнь разнообразна. Вот болезни – это тоже жизнь, человек болеет, ощущает себя плохо, но такова его жизнь, и такова жизнь тех бактерий, которые живут внутри его.

А человеку свойственно удалять от себя подобную жизнь, он хочет жить лишь так, как хочет именно он. И в этом ему помогает смерть, смерть, которую он носит под рукой. Перетёртые травки, коричневая кора, настойки укусные.

Так и в человеческом обществе, каждый стремиться лишь подняться вверх на самые высшие ступени своей башни из слоновой кости, вырваться из своей такой хрупкой и недолговечной структуры бытийных склок, вражды, и того, что его окружает, устремиться вверх, в небо, выше своих желаний и грёз, и он уничтожает на своём пути все, что существует как органичная часть его бытия, видя в других свои недостатки, или наоборот, завидуя тем, кто достиг чего-то большего, но не осознает, что там куда он стремиться уже нет свободного выбора, есть только его грёзы о вымышленной новой структуре, до которой его ничтожный разум не может подняться. А ведь человек не зря существует именно в таких, предложенных ему обстоятельствах, и без того, чтобы объединяться, стать частью общего организма, общины, передать собственный опыт практически невозможно. Как и осознать его влияние на мир.

Я, как человек одно время увлекающийся философией, с удовольствием следил за движением мысли этого, безусловно разумного человека.

– Всё-же людям свойственно стремиться к чему-либо новому, к новым нормам, учиться, а не только учить.

– Да, все мы в своё время учимся, а в своё время учим, и не всегда осознаем два этих процесса. Но и учиться и учить можно лишь на основании того мира, который ты осознал, и который тебя окружает.

Я улыбнулся.

– Вы именно в этом видите своё признание, находясь за баранкой, на трассе?

– Возможно и здесь когда-нибудь произойдёт нечто, чему я смогу поспособствовать, или же наоборот противостоять. Возможно здесь, за баранкой мне удастся подать руку помощи тому, кто в этом нуждается.

В этот раз пришёл момент улыбаться уже ему.

Я решил перевести разговор в другую модальность, и в частности спросить о том, ради чего я решился обратиться к сообществу таксистов.

– Вы знакомы с человеком, с которым я приехал к вокзалу?

– Я скажу прямо, мы наблюдали за вами с того самого момента, как ты вышел из электрички. Не скрою, у нас есть свои люди при прибытии на перроне. Немногие из нас имеют лицензии, при этом встречаются нам разные люди, на нас иногда нападают, с оружием или без, и поэтому мы как своего рода община заботимся о каждом из членов нашей группы.

Так вот, наблюдали мы и тебя, наблюдали и этого самого «таксиста».

Приехал он где-то за полчаса до твоего прибытия, все время оглядывался, на нас смотрел волком, мы, честно признаюсь, подумали, что это один из встречающих, это у нас не редкость, деревенька то далеко от вокзала отстоит, запросто не доберёшься, а автобусы вообще раз в два часа ходят, но, какого же было наше удивление, когда буквально за десять минут до приезда поезда он развернулся и уехал, а позже уже мы заметили, как ты сел в его машину, когда он уже выехал на трассу.

Сказать, что я был поражён этим признанием было ничего не сказать.

«Значит кто-то, озабоченный моими изысканиями следит за мной, причём довольно-таки целенаправленно».

После Рахим предложил мне на выбор два гостевых домика у обочины, чтобы перекантоваться до утра, но я всё-таки предпочёл поездку обратно в город, так как на дорогостоящую по моим меркам гостиницу денег уже не хватало.

Рахим без всяких разговоров довёз меня почти до самого дома, а я, выбравшись из машины уже в обстановке ночного города, решил прогуляться до дома обходным маршрутом, через дворы, чтобы успеть ещё перекурить на лавочке и подумать.

...Странно, – думал я, – если меня вели с самого начала, то почему не пристукнуть меня где-нибудь в леске, не ударить монтировкой по кумполу, выбив из меня уже навсегда желание изображать из себя усатого сыщика Мегрэ, да и что это за тайна такая, ради которой можно сорваться вслед за неудачным сыщиком и проследовать в этакую тьму-таракань?

Все эти мои размышления только подстёгивали мою неуёмную натуру на то, чтобы продолжать свои расследования. Только теперь я дал себе зарок, что стану умнее и не буду вести себя как подросток на руинах заброшенной многоэтажки, питаемый адреналиновой лихорадкой.

Под серым небом провинции...

Утром я встал разбитый и не выспавшийся. Поставил чайник буквально на автоматизме, нашёл на холодильнике блестящую упаковку из фольги, в которой хранился мой любимый чёрный крепкий чай, бросил в чайник заварку.

«Когда я стану другим, когда я стану другим...» Орало радио в соседской комнате. Я почему-то вспомнил слова другой, до боли знакомой песни, песни, под которую уплывали очертания моей первой родины, яркие глаза вечернего города хищным огнём горели мне вслед, а я отправлялся в город холмов и курганов, где величавый каменный кремль надменно смотрит на длинную, ползущую словно змея между двух холмов, асфальтовую дорогу.

«Когда я проснусь – снова буду один. Под серым небом провинции. Уже зажгутся огни, словно лужи – глаза, Славно капли в воде – все погасили звезды. Возлежат, лежат на тинистом дне. Эта ночь, эта ночь...»

На дне чашки, которую я опустошил почти что залпом виднелся еле заметный узор из чаинок. Я усмехнулся сам себе. Ведь никогда не верил в эту всю чертовщину с гаданиями, а тут почему-то захотелось вдруг узнать будущее, вот так примитивно с помощью заварки.

Знаки, кругом меня обступали знаки, как разбойники с большой дороги. Чего они хотели от меня, ничтожного слабого человечка?

Я, не веря сам себе, заглянул в чашку. Смешно, но мне на миг показалось, что на меня смотрел человек с топором в странной шапке с длинными ушами, с непропорционально длинной головой.

Я вспомнил про дом, который посетил вчера вечером.

Кто же он был, этот чёртов радиолобитель? Действительно ли он отпрыск знакомого Глафиры?

Вспомнились и те несколько моментов, на которые я обратил внимание в доме.

Было ещё не холодно, а человек начал разжигать камин. Да и почему он так упорно заслонял спиной ту часть стены, на которой я заметил те странные следы?

Я твердо решил вернуться на то место, прокрасться в тайне в дом, и исследовать его в тайне от нынешних хозяев. Я отлично понимал, что это считается, согласно нашего законодательства преступлением, но желание добраться до истины было превыше любой гражданской ответственности.

Но сначала я решил подобраться к самому Стасу Коротовскому, тому самому амбалу с замашками бандита и по его собственным словам начинающего радиотехника.

Для этого я сегодня должен был совершить ещё одну, не очень приятную для себя поездку, а именно наведаться к тётке, и занять у неё очередную порцию денег.

Я быстро запахнул на груди старую, потрёпанную курточку которую в народе зовут «пилотная», она колоритно подчёркивала фигуру, а с другой стороны надёжно защищала меня от погодных неприятностей. Говорят, в ней удобно драться, потому что её ткань, упругая и гладкая, не позволяет сопернику за неё уцепиться. Возможно оно и так, но я, если честно не пробовал, и надеялся, что именно это свойство куртки мне никогда не пригодится. После чего я нацепил на плечо старую сумку цвета хаки и выскочил в парадную, где стал дожидаться лифта. Его как назло долго не было, и я решил, пока есть время насладиться прослушиванием любимых композиций.

Достав из сумки наушники, я не глядя засунул их в уши, и нажал на плоский дисплей.

Из наушников донёсся странный хрип. Потом возникло странное ощущение, как будто моя голова превратилась в кусок ваты, пришла боль в висках. Я списал все на обычную подагру, и уже через несколько минут услышал знакомые звуки.

«...Возможно мы уже спускались с небес
Или рождались не раз.
Какая горькая память – память о том,
О том, что будет потом.
Но шины шепчут в ночи
Утешительный бред.
Я слышу крик в темноте,
Возможно это сигнал.
Прощай, чужая земля,
Но нам здесь больше нельзя.
Мы стали легче тумана,
Мы стали чище дождя...»

Я опустил свой наладонник в сумку, и именно в этот момент лифт подъехал разрезав своей какафонией шестерёнок гармонический строй резкой гитары Наутилуса.

Я быстро прошёл мимо подпалённых тут и там старых почтовых ящиков, по привычке зажав нос, какая-то добрая соседка каждое утро кормила около подъезда своих кошек, а те, не стесняясь усталых и забитых граждан метили территорию, и всю дорогу пытались прорваться внутрь, толи для того, чтобы отомстить хозяйке за недобросовестное кормление, толи для того, чтобы попросить добавки.

Но частенько данные кошачьи поползновения заканчивались тем, что под дверью на первом этаже растекалась большая мерзко пахнущая лужа.

Именно из-за такой вот преграды я задержался перед дверью, старательно обходя кошачью отметину, и, видимо это и стало причиной того, что, выйдя из подъезда, я был оглушён петардой, которую кинули буквально за несколько секунд перед моим появлением. К счастью сам я не пострадал, если не считать удушливого облачка дыма, который очень быстро развеялся. Кроме того, тот факт, что перед выходом я задержал дыхание, избавил меня и от запаха гари тоже, чему я был несказанно рад. Я покачал головой и подумал

«Ребятня, что с них возьмёшь?»

После чего продолжил путь по асфальтовым выбоинам в сторону метро. Пока я вилял по влажным от росы дворикам, я заметил за собой слезку. Сначала я не придавал значения парочке подростков, которые мирно болтали, сидя на скамеечке, прямо перед небольшим дворовым стадионом, на рижской линии таких было много, они медленно облезали краской, пока очередные дворовые команды стихийно собирались провести свой досуг и погонять мячик. Поэтому я прошёл мимо, практически не обратив внимание на них.

До тех пор, пока один из них, рослый смуглый парень с дредами, не сделал жест рукой, который можно охарактеризовать, как призыв срочно идти за ним, я, хоть и уловил последний момент, когда три здоровых парня двинулись вслед за мной, но решил, что их интерес в отношении меня касается сигарет, или денег на очередное пойло.

Впрочем, уже скоро я понял, что ошибался. Рослый шёл поодаль от остальных, рыская своими тёмными зрачками по окружающему интерьеру, видимо думая, что подобное поведение делает его незаметным в моих глазах.

Я же между тем уже приготовился к нападению. А именно, плотно сжал в руке горсть припасённых именно для такого случая, монет.

Ребята продолжали следовать за мной на приличном расстоянии, так, чтобы не упустить из вида. Вдруг двое из них свернули в соседнюю улицу. Длинный парень с дредами между тем продолжал упорно идти за мной, периодически доставая семечки из пакета и сплёвывая их на мостовую. Я порядком испугался, почему-то подумалось, что эти ребята работают по архаической схеме, один начинает разговор, человек оборачивается, а в это время со спины нападает ещё парочка хулиганов.

Однако, несмотря на мои опасения, парень не дошёл за мной до метро, а внезапно юркнул в какую-то мелкую кафеюшку, так и не дождавшись своих друзей, которые, однако, вскоре появились из-за угла.

Я же пересёк просыпающуюся с утра автодорогу, дошёл до киоска, и, купив свежую газету, обернулся. Газета в случае чего явно поможет мне затеряться в толпе, было бы конечно неплохо сейчас вытащить из кладовки плащ, и срочно переодеться, но к моему глубокому сожалению плаща у меня с собой не было, тем более не было и кладовки.

Я подошёл к тощей, словно исхудавшая статуя, женщине. От ларька, в котором она скупала, разложив на столике свежий журнал сканвордов, аппетитно пахло поджаренной в мундире картошкой.

Я обожал с детства этот запах, с тех пор, когда мы с матерью, вооружившись дежурными пледами и панамками, пускались в долгое путешествие в пригородный лес. Мать брала с собой картошку, яйца, в термосе плескался крепкий горячий чай. Мать в лесу обычно набирала два полных лукошка черники, я же, ведомый знакомым и излюбленным вкусом лесной ягоды, старался напихать себе за щеки как можно больше, не особо волнуясь за результаты нашей тихой охоты.

Мать улыбалась, трепала меня за щёку. Мои светлые вихры сбивались на глаза, она поправляла мне причёску, и стирала с моих пухлых щёчек чёрные отметины от черничного сока своим платком.

Естественно, что я подошёл и купил себе порцию, которая приятно обжигала мои руки теплотой. После чего я решил проверить, наблюдают ли за мной мои преследователи. Для этого я зашёл за киоск и прижался к ребристой поверхности его обшивки.

Я ожидал, что, по крайней мере, один из преследующих меня появится из-за угла, и тогда я смогу его припереть к стене, как в фигуральном, так и в буквальном смысле этого слова.

Но время шло, а никто так и не появился.

Тогда я решил оставить эти хлопоты и двигаться в изначально намеченном направлении, а именно в сторону метро.

И, хотя осмотревшись, я не заметил больше тех парней, зато чётко почувствовал на себе чей-то любопытный взгляд

Я подошёл к витрине вещевого ларька и стал вглядываться в витрину, надеясь увидеть в отражении своего неизвестного преследователя.

Кроме хаотического движения обывателей, такого привычного для рабочего городского люда, я не увидел ничего, и через несколько минут прекратил изображать из себя разборчивого покупателя.

Незнакомец в метро

Метро было уже буквально под боком, когда я опять почувствовал спиной этот взгляд. Казалось, что человек, который меня преследовал, находился уже метрах в десяти от меня.

Я внезапно обернулся, но заметил только небольшую фигуру, которая юркнула в толпу и растворилась в ней. Что-то неуловимо-знакомое было в этой фигуре, но я пока не мог вспомнить что. Возможно же мне это лишь показалось, и на самом деле преследование было лишь плодом моего, воспалённого недосыпом и усталостью, ума, но я прибавил шаг, и вскоре уже оказался внутри жёлтого потускневшего от времени купола метрополитена.

Рисковать и пробираться бесплатно, вслед за какой-либо не особенно расторопной бабушкой сегодня не было ни времени, ни сил, поэтому я потянулся в карман за помятой карточкой, которая хранилась у меня уже давно на случай вот такого, экстренного варианта.

Нашулав карточку, я в последний раз, перед тем, как ступить на эскалатор, обернулся, но сзади меня находилась лишь унылая, вполне себе привычная для обитателей мегаполиса, толпа.

Как бы я не старался, поток людей не давал мне протиснуться на платформу и скрыться как можно скорее, чего мне сейчас хотелось более всего. Я накинул капюшон, надеясь, что это спасёт меня в толпе от взгляда тех наблюдателей, которые могли меня сопровождать. Но, судя по всему, преследователи отступили, ну, или просто картошка, съеденная у киоска, успокаивающе подействовала на мой измотанный организм, и я перестал волноваться и рисовать в своём воспалённом воображении всяческие ужасные картинки.

Когда духота пропахшего потом вагона метро меня поглотила, я стал искать взглядом место, куда можно примоститься, чтобы хоть ненадолго уйти от гнетущих меня ощущений в такой обыденный, порой не менее ужасающий, но уже до боли привычный мир газетной журналистики. Место, на удивление, нашлось, и я протиснулся в сторону сед ушки, уголок которой, находящийся у самого поручня, был свободен.

Я сел, раскрыл ещё пахнувший типографской краской номер городского газетного листка, и внезапно почувствовал покалывание в руке, которую я опёр на поручень. Словно какой-то электрический разряд щипал меня за руку, то ослабевая, то наоборот усиливаясь.

Я оторвался от газеты, уже готовясь обрушиться всей силой моего гнева на стоящего впереди. Но на моё удивление, стоящий напротив меня парень с солидной кожаной сумкой в пиджаке и дорогих ботинках ничуть не напоминал подростка-хулигана, который развлекается в метро с шокером.

Да, я отлично себе представлял это уже подзабытое развлечение молодёжи. Подобные вовсю продавались в соседских с моим домом ларьках. Иногда подобными вещами «болели» и мои соседи, в связи с чем я некоторое время побаивался братья за металлическую ручку, после того, как получил однажды свой разряд, не заметив прикреплённый сзади ручки предмет, а потом услышал залиvistый ехидный детский смех, который доносился со стороны лестничного проёма, примерно на высоте второго этажа.

Но тот стервец явно побежал после своей проделки учить уроки по учебнику третьего класса, а солидный мужчина, которого я увидел в метро больше напоминал продвинувшегося по карьерной лестнице менеджера международного предприятия, который листает на досуге учебники, посвященные финансовым операциям.

Но ведь я явно ощущал на себе действие зловредного устройства, в связи с чем оглядел поручень от грязного промасленного основания до стенки вагона. Увы, ничего похожего на пресловутую детскую игрушку обнаружить мне не удалось.

Парень удивлённо смотрел на мои, казавшиеся ему нелепыми, телодвижения, отвлёкшись от чтения своей небольшой белой электронной книжки.

Наверняка во мне он видел очередного городского сумасшедшего, которому в метро являются странные инопланетные слизняки, которые ползут по поручням, или того хуже, который считает поручень лестницей трапа космического корабля, и теперь ищет ручку, нажав на которую можно перейти в отсек для дезинфекции.

Я решил, что, возможно мне показалось, хотя ощущения были реальными донельзя. Вторая гипотеза, которая родилась в моей голове, была такой, возможно под сиденьями проходит какой-то провод, который со временем перетёрся, и теперь давал напряжение на массу, как порой выражаются автоэлектрики.

Проверять данную гипотезу, впрочем, как и первую я не стал, иначе меня бы прямо от станции метро увезли бы на жёлтом фургоне с красными наклейками по бокам. Первую проверить эмпирически я просто не мог, а по поводу второй... Сами представьте, едете вы на работу, а пассажир рядом просит вас, толком ещё не проснувшегося, и, в следствии чего злого, встать с уютной сидушки, только для того, чтобы убедиться, не повредилось ли вагонное электрооборудование.

Так что я, немного, насколько только позволяло место, отодвинулся от поручня, и снова открыл газетку.

Новости были скучными, очередное обращение главы города, планируемые ремонты, важные встречи и мероприятия... Внезапно моё внимание привлекла одна колонка. В ней рассказывалось, как мэр пригорода вручал награды труженикам села.

Среди прочих руководителей агропредприятий, мой взгляд зацепился за одну, уже известную мне фамилию. «Среди прочих мэр Сергиевский поблагодарил за возрождение города и создание множества рабочих мест для горожан гражданина Юрия Бесторнова...» Справа была расположена черно-белая фотография, на которой высокий темноволосый мужчина вручал какую-то награду полному человеку с короткой причёской, который носил старомодную рубашку со складками и золотую цепочку странной конфигурации прямо поверх неё.

Он напомнил мне про робин-гудов 90-х, я ещё про себя подумал, что наверняка цвет его пиджака малиновый.

Но, даже несмотря на ужасное качество фотографии, его лицо отличалось от простоватых, немного колхозных лиц «братков».

И, присмотревшись, я понял, почему у меня родилось такое ощущение. Глаза бизнесмена были пронизаны какой-то животной страстью. Зрачки пристально смотрели на оппонента, и тут я понял, на меня смотрело не лицо преуспевающего бизнесмена, а лицо хищника, серого волка, который ходит вокруг своей добычи, приглядывается, нюхает разгорячённый воздух своими большими ноздрями.

Ну да, они, бизнесмены, все на одно лицо. Хищники, ни больше ни меньше —подумал я. Я вспомнил, где мне ещё доводилось видеть этот странный, завораживающий взгляд.

На немногочисленных фотографиях с места проведения следственных экспериментов, когда камера выхватывала лица серийных убийц. Как я заметил уже давно, их глаза бывают двух видов.

Первый вот такой, непримиримый, недовольный, звериный взгляд, взгляд хищного зверя, который жизнью приучен плутать по неизведанным тропам, все наслаждение которого заключено в том, чтобы унюхать жертву слабее его, самого слабого на земле. Может именно эта жажда, этот поиск кого-то более затравленного и есть то изначальное, животное чувство, которое подвигает их мучать, издеваться, заставлять страдать невинных, уже изломанных и искалеченных? Наверяд ли кто-то, включая их самих, когда ни будь сможет дать на это ответ. Но главное, что отличает их, это стремление властвовать в этом мире, где только сила, власть над другими человеческими существами имеет свою цену. Эгоизм, словно бы внедрённый в их

сознание паразит, заставляет их, пользуясь мгновенными эмоциями, страстями, желаниями других людей, пользуясь извечными законами стаи и природы, овладевать их жизнью, ломать их жизненный уклад, обрекать их на муки.

Вторые же имеют абсолютно серый взгляд, как те самые забитые, они пытаются вырваться из ненавистного им мира, проходя через все стадии сумасшествия, избирая себе жизнь, полностью отрицающий жизненные парадигмы, все что они могут, это сломать в себе все законы этого мира, выйти из круга живущих, стать тенью, немым укором, стать ещё более ненавидимыми, они питаются этой мирской ненавистью к себе.

Ростовский маньяк, с его постоянными письмами к президенту, с его эпатажными выходками на суде был из второй касты, в то время, как Бесторнов и ему подобные, так же ненавидя род людской, но в то же время безнаказанно совершающие свои деяния, относились к первой категории. Впрочем, все нувориши одним миром мазаны- подумал я. Чем Бесторнов отличается от любого другого?

Другое дело, что я хотел всё же выяснить, как связан бизнесмен и пресловутая контора по изучению мозговой активности, которая вписала в название имя известнейшего учёного.

Но, в любом случае, пока что выяснить это не представлялось возможным. Я закрыл газету, и погрузился в дрему, хотя внутренне и понимал, что спать сейчас было не самой хорошей затеей.

Я словно бы провалился в тёмную воронку, и внезапно понял, что я очутился действительно около воды, на нелюдимом пляже. Чайки надрывно кричали вдалеке. Волны шипели, накатываясь на холодный берег из тёмно-серой гальки, выступавший тут и там причудливыми валунами.

Я вспомнил одну песенку из 90-х годов, в клипе к которой присутствовал именно такой пляж. И слова сами собой стали доноситься вокруг меня.

The world was on fire and no one could save me but you, It's strange what desire will make foolish people do...

Неожиданно тёплый бриз сменился довольно таки прохладным ветерком, который дул мне в спину, заставляя то и дело ёжиться. Внезапно сверху, со стороны нависающей над берегом скалы, отделилась фигура. Как будто бы по воздуху, почти не касаясь земли, подошла тёмная, как тень, и я увидел женщину, с вьющимися тёмными волосами, в платочке.

Она стояла рядом со мной, сжав тонкие губы, её взгляд выражал какую-то материнскую любовь, и в то же время странную безнадёжность. Словно бы она хотела чем-то со мной поделиться, но что-то её в этом сдерживало.

Потом она протянула руку. Длинная, абсолютно белая, словно иссушенная, рука протянулась к моему плечу, но внезапно она отшатнулась, как будто увидела нечто ужасное, выставила руки вперёд, и как мне показалось немного осела. Внезапно черты её лица исказились, глаза наполнились влагой.

– Убийца... Это ты меня убил, зачеее? – последние её слова звучали заунывно, протяжно, надрывно. Словно ветер, который внезапно опять налетел на нас, стал трепать её чёрные волосы. Я обратил внимание, что они, изначально чёрные как смоль, теперь местами были тронуты сединой.

Я, конечно, порядком удивился, но ведь во сне бывает всякое... Хотя от нахлынувших чувств я довольно быстро очухался, протёр глаза, а между тем до моей остановки оставались ещё две станции. Я думал, что проспал минут двадцать, а на самом деле все, то что я увидел во сне уместилось максимум в три минуты.

Поразившись этому факту, я поднял с колен свою сумку, и уже ступил в привычную толчею народа, стремящегося выбраться поскорее из вагона на станцию, когда меня окликнул тот самый молодой человек, который был похож на клерка или банковского служащего.

– Вы забыли, – улыбнулся он мне своей белозубой улыбкой, и протянул в мою, автоматически протянутую, руку смятую газету. Я схватил газету и второпях сунул её в сумку, продвигаясь ко входу.

Я даже не задумался тогда, что такого необычного было в этом помятом клочке бумаги, что такого важного, что её стоило подбирать за неизвестным тебе пассажиром.

Мои мысли были заняты другим. Я намеревался послоняться немного по городу, перекусить в недорогом ресторане, чтобы успеть на поезд, который отвезёт меня обратно в то захолустное место, где я был в прошлый раз. При этом я намеревался подгадать время моего прибытия на станцию так, чтобы было не особенно темно, при этом мои действия остались бы незамеченными для проезжающих машин.

В соседнем с метро ларьке я увидел улыбающееся лицо узбека с лоснящейся от жира бородой. Обычно я прохожу мимо подобных лавок, однако сегодня решил отдать дань жирной и нездоровой пище, душа просила чего-то остренького и сытного.

Около побитой временем тележки, пошарпанной и местами облезлой, уже толпилась очередь из страждущих.

Я занял очередь, и стал наслаждаться видом того, как бородач управляется с нанизанным на вертел мясом, как подливает белый кетчуп с приправами, как заворачивает эти вкусности в белые с черноватыми пятнами лепёшки.

В конце концов я получил из его рук два тёплых, раздутых и запотевших пакетика.

Не знаю. Зачем я взял два? Видимо мной двигало необоримое желание перекусить на обратном пути. Я заметил, что, когда я в своей жизни делаю нечто рискованное или необычное, организм таким образом, посредством пожирания всего съестного на своём пути, пытается забороть подступающий стресс.

Я приземлился на стоящую рядом с киоском, в так называемом летнем кафе, лавочку, бухнул на стол пышущий сдобой и мясным запахом пакет, и начал разворачивать тот, который был в руках.

Когда я обернулся в сторону бульвара, то увидел, как навстречу мне движется машина. Это был белый мерседес, довольно таки непривычное зрелище в городе, воспитанном на конформистском желании занять дорогу, непременно чёрного, или в крайнем случае тёмно-синюю тачку. Кроме того модель машины была настолько раритетной, что иметь подобную в своей коллекции мечтал ну разве что какой-то партаппаратчик, или неудачливый нувориш эпохи позднего Горбачева.

Ну, и конечно же увидеть столь необычный драндулет на пешеходной мостовой было вдвойне непривычно.

Однако же это был отнюдь не сон, и не видение. Автомобиль двигался медленно, словно плыл между пешеходов, которые удивлённо расступались перед его рельефным «телом».

Внезапно машина стала набирать скорость, и зеваки уже едва успевали отпрыгивать от бампера надвигающейся гордости автопрома восьмидесятых.

Я уже потянулся за сумкой, бросил на стол недоеденную лепёшку, и собирался отскочить, когда перед машиной возник женский силуэт с крупным животным на привязи.

Овчарка встала в боевую позу, наизготовку, и уже приготовилась кинуться на своего железного врага. Женщина же стояла почти не шелохнувшись.

Я в удивлении наблюдал за этой сценой, особенно меня поразило то, что водитель не сбавлял скорости.

Женщина, которую я, правда, не мог разглядеть из-за широкого капюшона, накинутого на голову, вдруг сделала какое-то движение, которое я ранее мог наблюдать только на экране при просмотре голливудских боевиков. Женщина отставила левую ногу немного назад, пригнулась, и сделала резкий взмах руками, опершись об капот машины. Собака почти

синхронно напрягла задние ноги и прыгнула. Я видел ощерившийся рот животного и длинные белые клыки, которые устремились прямо в лобовое стекло. Женщина ловко сделала переворот в воздухе, опершись уже на одну руку на крыше машины, перевернулась в воздухе и приземлилась уже на уровне задней дверцы.

Приблизившись к водительскому сиденью, она ловким, натренированным движением разбила окно и ударила водителя. Тот увернулся, отбил руку, после чего резко вывернул руль, и необычный автомобиль с визгом сорвался с места, собака погналась за ним, женщина бросилась за собакой, и вскоре вся компания успешно скрылась в переулке.

Я собрал свои пожитки в сумку, на ходу доедая лепёшку, и двинулся в сторону вокзала.

Поскольку теперь мне было абсолютно ясно, что вокруг меня творится какая-то непонятная чехарда, то я решил пробираться к зданию вокзала чередой маленьких улочек, а не напрямую, как это было бы быстрее.

В итоге я, передвигаясь короткими перебежками приостановился под крыльцом одной из множества окружавших вокзал промышленных проходных.

Фотограф

Отдышавшись, я ещё раз глянул назад, в сторону сереющих стен, чёрных ям и разваленной кучи паллетов, которая осталась здесь, видимо, после очередного ремонта улицы.

Я вполне логично рассудил, что машина вряд ли будет способна преодолеть это препятствие, а людей, следующих за мной, не наблюдалось, поэтому я перешёл на шаг, и так уже добрался до центрального входа.

В кассе я взял билет, и присел на скамеечку в зале ожидания.

Там я решил немного расслабиться, открыл минеральную воду, взял булочку с корицей, которую взял тут же в киоске, и решил дочитать газету, не зря же я её забрал в метро.

Когда я развернул уже порядком смятые листы, то заметил, что на задней странице красивым убористым почерком на полях была сделана надпись

Московская область, Ступинский район, село Семёновское.

Сначала я подумал, что этот адрес был написан ещё киоскёршей до продажи мне газеты, но потом, когда я начал вспоминать, как читал этот номер в метро, припомнил, что по привычке сначала перелистал его от корки до корки, и тогда ещё никаких пометок на нем не наблюдалось.

Я подумал, что отметку возможно сделал тот самый молодой человек, который протянул мне газету, но возможно ли это было сделать за столь короткое время? Потом я подумал, что, возможно, он, заместо моего номера газеты подсунул мне заранее заготовленный свой экземпляр, но тогда возникал логичный вопрос, зачем?

Я припомнил, что у меня в сумке, где-то на самом дне валялась карта Москвы, в своё время захватил в центре для туристов.

Пошарив в сумке, нашёл сильно истрёпанную карту и стал вглядываться. Ступино – это южное направление, а карта была очень неудобная, поэтому пришлось развернуть карту на соседнем сиденье, чем я, конечно же, вызвал недовольное бурчание соседа, грузного человека с небольшой, козлиной бородкой и огромным фотоаппаратом на пузе.

Наверняка мой сосед подумал, что я представляю из себя такого туриста, заблудившегося в бетонных джунглях московского урбанистического пейзажа, потому что он надвинул на нос очки, и стал пристально вглядываться в ту часть карты, которая открывалась его взгляду.

Я старался не обращать внимание на излишне любопытного фотографа, но он наклонился над картой, потом ещё раз надвинул свои квадратные, интеллигентские очки на нос, и спросил меня, голосом оперного баритона:

– Может вам помочь? Я журналист, и по роду деятельности часто бываю в самых дальних частях столицы. Могу подсказать.

При этом он улыбнулся настолько обезоруживающей улыбкой, что я просто не смог не пожать протянутую мне руку помощи.

– Да, будьте любезны, подскажите мне, где находится тут – я указал на карту, – деревенька Ступино?

Сосед нахмурился.

– Так, секунду... Это же... Красивое место, конечно...

Я посмотрел на него с недоумением

– Но... что?

– Ну там все заведения специфические, одна усадьба чего стоит. Красота, красная штукатурка, ворота с изразцами. Часто туда наша братия навевывается. Старина, как-никак. Младший Орлов повелел там усадьбу разбить. В 18-м веке ещё. Англoman был, поэтому и усадьбу организовал в популярном в Англии угловом стиле. Массивные колонны, раньше там львы стояли.

Я улыбнулся, вспомнив всем известный фильм про похождения итальянских кладоискателей в России.

А мой сосед, между тем, продолжал:

– А ещё там есть большое серое здание санатория для чекистов...

Я вспомнил, как женщина с рынка рассказывала мне про сотрудников органов, которые навещали её мужа. Но решил отложить пока эту информацию на отдельную полочку своей памяти, тем более, что времени до прибытия электрички уже почти не оставалось, и надо было подниматься на платформу.

– Если вам понадобится экскурсия, то я могу помочь вам... Вот, держите! – с этими словами он протянул мне помятую визитку с необычным фигурным обрамлением.

Уходящее солнце дарило уставшим за день пассажирам свои последние тёплые лучи, скрываясь в облачной дымке на красном горизонте.

Поезд издал протяжный гудок, который был больше похож на вой умирающего динозавра. Народ начал кучковаться около серебристых поручней.

Приезжие стали запихивать в узкие двери свои большие баулы, поэтому я решил, что лучше постоять на перроне и подождать.

Мой сосед с фотоаппаратом между тем спешил втиснуться в основной поток пассажиров.

Он толкался и переругивался с людьми, которые стояли впереди, а они выкрикивали что-то ему в ответ. Журналист буквально вдавливал своим животом впереди стоящих, толкал локтями, а изредка втихую помогал себе ногами.

Когда наконец он схватился за поручень, то я приготовился и сам встать в очередь в вагон. Толпу понемногу засасывало в вагон, и как только я приготовился взяться за поручень, из вагона выпало, судорожно хватаясь за воздух, тело журналиста, он всеми силами пытался схватиться за поручень, но при его массе тела ему это вряд ли бы удалось и при более удачных обстоятельствах.

Тело распласталось на перроне, я же соскочил с подножки. Линзы очков, которые упали при падении, выпали, и теперь валялись метров за пять от тонкой металлической оправы.

Журналист был без сознания.

Он лежал, как будто бы отвернувшись от меня, шляпа укатилась по перрону и открыла его седоватую голову с залысиной, и такую нехарактерную для лысых людей косичку.

Я подошёл посмотреть, в каком он находится состоянии, и в этот момент услышал надвигающийся гул вокзальных зевак. Они, переговариваясь между собой, уже начали медленно обступать журналиста, который не изъяслял никаких внешних признаков жизни, но как только толпа окружила его тело, он внезапно пошевелил ногой. Толпа сверху меня зашептала на десятки голосов, а на перроне уже появился наряд полиции, который приближался, но был ещё сравнительно далеко.

Я попробовал нащупать пульс на шее, и пальцы ощутили биение жилки. Тогда я подумал, что дорогой фотоаппарат журналиста сейчас наверняка окажется лёгкой добычей местной вокзальной шантрапы, поэтому заслонив дорогую вещь своим телом, поднял тяжёлую камеру и положил к себе в карман, пообещав себе при первой же возможности отдать её пострадавшему.

Я быстро поднялся на ноги и втиснулся в плотную шеренгу собравшихся посмотреть на жертву железнодорожного инцидента. Люди, собравшиеся вокруг, состояли как из тех, кто ожидал поезда на соседнем перроне, так и из тех, кто сошёл с нужной мне электрички, так что я легко пробрался к вагону, из которого люди повыскакивали, как муравьи в дождь. Ещё некоторое время я наблюдал за этим людским муравейником. Непонятно откуда возникли люди в жилетах скорой помощи с носилками.

Они переложили тело с асфальта на носилки и один из них уже набирал в шприц какую-то белую жидкость из ампулы. Я вздохнул, осознав, что мой попутчик жив. Мне пришлось ещё раз обнаружить себя, так как нужно же было отдать бедняге его вещи, и я протиснулся сквозь толпу, и остановил уже уходившего врача скорой.

– Скажите, а куда его повезут?

Врач- средних лет мужчина с выдающейся челюстью и седыми коротким ёжиком недовольно ухмыльнулся:

– Куда и обычно!

Фраза выглядела этаким тонким намёком на юмор, но мне было важнее сейчас выяснить всю информацию, поэтому я прикинулся шлангом.

– А куда обычно?

– В семьдесят первую. А вы его родственник?

– Я... я его работодатель, в очередной раз приврал я.

– Ясно. Все с ним в порядке будет, завтра выпишем вечерком, – без всяких эмоций ответил врач, и скомандовал санитарам:

– Грузи давай!

Вторая поездка за город

Я закинул на плечо свою спортивную сумку и прислонился к стенке тамбура. Электричка неторопливо отъезжала от места происшествия.

За окном замелькала промзона, серые гаражи и оставшиеся на отшибе, не снесённые реформой ракушки. На улицах пригорода замигали фонари, предвещая приход тёмного времени суток.

Успокаивающий звук колёсных пар понемногу прогнал самые тёмные мысли, оставалось примерно полчаса до пункта назначения.

Я мысленно прошёлся по списку необходимых мне в моем преступном деле вещей, и единственное, что в нем отсутствовало, так это кусочек мыла, который необходимо было подсунуть под двери, чтобы они не скрипели. А то, кто же знает, действительно ли хозяин уезжал в четверг домой ночевать, или это была такая хитрая выдумка, которая была придумана лишь для того, чтобы придать достоверности сюжету.

Сердце колотилось как бешеное при мысли, что придётся нарушить закон, но других способов разузнать про странные следы на обоях и про судьбу таинственной семьи Глафиры не было. Представляю злобное выражение местного участкового, который пёрся за десятки километров, разбивая вдрызг свой старенький мотоцикл, наверняка доставшийся ещё от старых поколений сыскарей, ради того, чтобы обнаружить старые пятна от варенья, пролитого во время пьяного застолья.

Нет, нужно было найти более серьёзные улики, а они в этом странном обиталище радиолюбителя-железнодорожника наверняка имелись.

Глаза потихоньку освоились с пригородной темнотой, и я даже немного успокоился, засунул в уши плеер. Мелодия была старая, но она настолько мне нравилась, что я с удовольствием периодически вызывал её из небытия в сознании, а недавно вот снова загрузил на носитель.

Этот брошенный мир уже не вернуть
Этот проклятый мир можно только стереть
Открывая глаза, видишь только стоп-кран
Я кричу небесам: «Погасите же свет!»

Свет действительно тонкими лучиками пробирался сквозь запylённое и замызганное окно электрички, сдавая свои позиции вечернему спокойствию.

Людей в электричке было на удивление много, многие ехали с большими котомками и баулами, по сравнению с которыми моя спортивная сумка казалась несущественной поклажей.

Бабульки с тележками, женщины с баулами, мужчины с кустами рассады, все это свидетельствовало о том, что огородный сезон уже начался.

Я надеялся, что и в этот раз на площади перед вокзалом меня будет ожидать хотя-бы парочка таксующих частников.

Но на всякий случай я порыскал в карманах, обнаружив бумажку с растрёпанными уголками- визитку моего прошлого шофёра.

Я достал чёрный чехол, в котором хранился мой потрёпанный смартфон, и набрал номер. Послышались резкие гудки, потом трубку кто-то всё-таки взял, но ничего, кроме шороха и странных звуков, напоминающих скрип ногтями по оконному стеклу.

Я скинул, и понуро уставился в окно, уже начиная предчувствовать, как придётся стоять на вечерней трассе, ждать, что очередная машина, из десятков, пролетающих мимо, притормозит и возьмёт уставшего странника с собою.

Но через несколько томительных минут ожидания телефон вдруг ожил.

– Алло, кто звонит? – разразился телефон низким голосом с восточным акцентом.

– Рахим! Я хотел бы попросить вас подъехать на станцию. Вы меня уже подвозили.

– Хорошо. Я обязательно буду, только тут немного подзадержусь... Я на складе, попросили помочь. Вы скоро будете?

– Минут через двадцать.

– Хорошо, я успею, – бодро откликнулся Рахим.

Оставшееся время я провёл за потрёпанным детективчиком, который изъясился из стопки, в которую я долгое время складывал книжки, которые находил в метро, их обычно наши быстрочитающие граждане оставляют на эскалаторах и скамейках.

Книга читалась хорошо, как и любое подобное чтиво из киоска, я подумал почему-то, что книги с более глубоким смыслом просто обречены в наше время на вымирание, ведь мало кто (ну кроме, разве что, вундеркиндов) успевает в наше напряжённое время прочитать что-то серьёзное из западной или восточной философии.

Но времени у современного мужчины не хватает даже на то, чтобы приготовить себе пищу после работы, после чего её же успешно поглотить, с чем связан сумасшедший спрос на продукцию иностранных забегаловок. Я же старался читать, закачивая себе книги на телефон, и прослушивал порой по три книги за неделю, но вот вырваться из суеты со временем у меня стало ассоциироваться с выражением полистать свежие бумажные листы. И вот сейчас у меня удалось заняться этим крайне бесполезным для глаз, и крайне увлекательным для мозга увлечением.

Погрузившись в роман, который оказался приключенческим детективом с отсылками к истории живописи, я настолько увлёкся, что не заметил, как за окном появился уже знакомый пейзаж, я услышал резкий гудок, к счастью успел захлопнуть книжку, уже на ходу забросив её в сумку, и выбежав в тамбур, где уже топталось несколько человек, в том числе один дедушка, который тянул на вытянутой руке такую обыкновенную для пожилых людей тележку на колёсиках. Он явно возвращался к себе домой, в один из тех немногочисленных домиков, которые, словно солдаты, утопали в окружающих кустарниках. Дедушка был одет в старую брезентовую плащевку, в старых очках с обмотанными чёрной изолентой дужками.

Из-под плаща виднелся серый свитер «под горло». И пока поезд не остановился, он, своей тощей, жилистой рукой теребил отворот этого самого свитера.

Когда наконец двери открылись, пожилой человек, кряхтя и скрипя своей тележкой, повернулся и оказался лицом к лицу со мной.

В его взгляде чувствовалась немая просьба о помощи. Я, не дожидаясь каких-либо слов ухватился за металлическую ручку, перемотанную изолентой, дедушка, чуть сторбившись, подал мне руку, и я передал ему его поклажу.

Дед достал из сумки небольшую палочку, и торопливо прошёл к зданию вокзала, я решил не повторять опыт с неизвестным напитком, после которого я в прошлый раз почувствовал довольно таки подозрительную лёгкость в ногах, а сразу направился к стоянке.

Участковый в вышиванке

Периодически я посматривал на экран мобильного телефона, ожидая звонка.

Вдруг телефон как-то неприятно замигал, я подумал, что случайно замочил его в прошлый раз, когда попал под небольшой морозящий дождик, и контакты в телефоне закоротило от влажности, но буквально через несколько секунд все пришло в надлежащий порядок.

Я остановился за углом, около жёлтой стенки вокзального здания, рядом со мной стояла на проржавевших опорах доска объявлений. Ну и, поскольку время мне провести все равно было не где, ведь кафе приличного не имелось на километры, а задыхаться в пропахшей потом и доносящимся из бесплатного отхожего вокзального места амбрэ не было желания, я решил почитать объявления, а уж если на улице начнётся ураган с дождём, или градом величиной с куриное яйцо, вот тогда я и пройду к кассам.

Объявления ничем не отличались от стандартных объявлений на бордах любых городов и посёлков, с одним лишь только различием, к стандартным гадалкам, потомственным чародеям и магам тут примешивался ещё и сельский колорит, в виде доставки щебёнки, песка, ну и конечно же натурального удобрения для полей. Кроме того, два объявления были от всякого рода мастеров на все руки, что само по себе было странно, ведь городские умельцы навряд-ли заинтересовались бы подобным местом, ну а наличие двух трезвомыслящих мастеров на одну отдельно взятую деревню это могло бы вполне сойти за рекорд, однако, поразмыслив, я, кажется, нашёл разгадку этой тайны.

Наверняка мужички просто подражались на любую работу только лишь с одной единственной целью, найти себе на опохмел. А далее начиналась вечная эпопея, этакий сельский уроборос, сначала похмелился, потом запил, потом опять надо искать приработок. Про качество работ в данном случае стоило забыть, хотя, я уверен никто в накладе тут не оказывался, ведь по сути мужичкам за их плёвую работу платили столь же мизерные деньги. Более того, я был уверен, что они даже в случае чего приходили переделывать свои недоделки, ведь деревенские сердобольные барышни предпенсионного или запенсионного возраста, в отсутствии мужей, всяко баловали подобных «пришельцев» рюмочкой водки, салатиком, а если повезёт, то и вообще новый пузырьёк выкатывали.

Пока я любовался на кривые, накаляканные от руки и, более редкие, напечатанные на машинке тексты, я услышал нарочитый кашель, который раздавался прямо из-за моего плеча.

Я обернулся. Рядом со мной стоял парень, в обычной сельской одежде, в цветастом свитере, темнобежевых штанах, сапогах, и, что меня особенно поразило в пиджаке.

Не меньше, правда, меня поразила головной наряд парня. Тот был одет в картуз, на котором была прицеплена гвоздичка. Я подумал, что парень только что вернулся с какого-то праздника самодеятельности.

– Хммм, а вы кто? поинтересовался парень на чистом московском диалекте, при этом сурово насупил брови.

Я немного даже опешил от такого вопроса, заданного мне незнакомым человеком.

– Нууу, я из Москвы...

– Да вижу я, что не местный, – не переставая оглядывать меня своим хмурым взглядом пробурчал парень.

– Я приехал поинтересоваться здоровьем родственницы – соврал я, понимая, что иначе от парня я не отвязжусь.

– Да, ну на первый раз поверим, – недоверчиво, словно отчитывая меня за некий проступок, проговорил незнакомец.

– А теперь чемодан свой покажи...

Я просто обалдел от такой просьбы, но подумал, что парень относится к касте местных работников ножа и топора, а с ними лучше не связываться, неровен час ещё финкой пырнут, а то и вовсе пистолет достанут.

Но я все-же поинтересовался

– А вы кто, чтобы у меня такое спрашивать?

– Открывай, открывай, лучше по-хорошему...

Я решил, что разумнее подчиниться, ведь, по большому счету ничего особо ценного у меня в сумке и не было, поэтому я решил открыть сумку.

Парень почесал голову, увидев на дне сумки газету, набор странных инструментов, фонарик, шнурок, всякую мелочевку.

Я собирался уже развернуться и идти, как он подошёл, улыбнулся и похлопал меня по плечу:

– Ты не серчай, у нас тут женщина пропала, а вы тут человек неизвестный, незнакомый, вот мы и подумали... В последнее время столько маньяков появилось...

– Я не обижаюсь, а ты разве не грабитель?

Парень, поправил картуз всем известным движением руки, и улыбнулся во весь рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.